

Михаэль Леви

Отечество
или Мать-Земля?

Свободное марксистское издательство

Перевод: Кирилл Медведев

Редактура: Иван Аксенов, Дмитрий Потемкин, Илья Будрайтскис,
Марина Нагришко

Обложка: Анастасия Потемкина

Михаэль Леви (1938) – франко-бразильский марксист – социолог, философ, литературовед. Родился в Сан-Пауло в семье еврейских иммигрантов из Вены, учился в Сорбонне, преподавал в университетах Тель-Авива, Манчестера, Парижа. В 1968 году вступил в Коммунистическую Лигу (запрещена в 1973), в 1974–2009 – член Революционной Коммунистической лиги (LCR), с 2009 входит в экологическую комиссию при Новой антикапиталистической партии. Был связан также с бразильской Партией Труда, Движением безземельных крестьян и др. Автор множества работ и книг по самым разным вопросам – история марксистской мысли, социология культуры, экология, теология освобождения, национальный вопрос, поэзия сюрреализма, революционное наследие Че Гевары и мн.др. Книги Леви переведены на 28 языков. «Отечество или мать-земля?» – первая книга Леви на русском.

Перевод сделан по книге: Michael Löwy. *Fatherland or Mother Earth? Essays on the National Question*. London: Pluto Press, 1998.

Перевод главы «Национализм и интернационализм» был впервые опубликован на сайте vpered.org.ru

Сайт Свободного марксистского издательства
fmbooks.wordpress.com

ISBN 978–5–98063–016–4

ПРЕДИСЛОВИЕ К РУССКОМУ ИЗДАНИЮ

Национальный вопрос в геополитическом пространстве бывшего СССР представляет собой в 2010 году чудовищное зрелище: угнетение национальных меньшинств, жестокие «этнические» конфликты и широкое распространение отвратительного шовинизма — прежде всего, великорусского, который так часто развенчивал Ленин, — а также расистские, ксенофобские и даже фашистские формы национализма. Это результат brutальной реставрации капитализма после 1991 года, а также десятилетий сталинского бюрократического подавления нерусских национальностей.

В такой ситуации бесполезно обратиться к изначальным устремлениям Октябрьской революции — попытке создать свободную социалистическую федерацию автономных республик. Революционная политика тех лет — 1917–1923 годов — была по необходимости прагматичной, подстраивавшейся под сложные и изменяющиеся обстоятельства, однако в то время были приняты некоторые важные и позитивные решения.

Всего через неделю после захвата власти в октябре 1917 года революционное правительство выпустило декларацию, в которой торжественно признавалось равенство всех народов бывшей Российской империи и их право на самоопределение вплоть до отделения. Советская власть быстро признала независимость Финляндии, Польши и стран Балтии — отчасти потому, что это был уже свершившийся факт, отчасти из-за стремления покончить с имперской политикой и из уважения к национальным правам. Судьба Украины, народов Кавказа и других «периферийных» наций решалась в течение гражданской войны, чаще всего в результате победы «местных» большевиков, которым в той или иной степени помогала — в зависимости от обстоятельств — Красная армия.

Одним из самых важных начинаний Советов была «Декларация прав трудящегося и эксплуатируемого народа», написанная Лениным в 1918 году, — призыв к образованию федерации советских республик, основанной на свободном и добровольном объединении народов. Это недвусмысленное принятие федеративного принципа стало поворотной точкой во взглядах Ленина и его товарищей, считавших себя наследниками якобинства, выступавших за унитарное и централизованное государство и против федерализма. Этот поворот не был эксплицирован и обоснован теоретически, но это, безусловно, был важный шаг вперед.

Хотя партия большевиков на протяжении всей своей истории поддерживала право на самоопределение всех наций Российской империи, советская власть в некоторых случаях явно игнорировала этот принцип. Наиболее существенным является случай Грузии: республика, независимость которой советская власть признала в 1920 году и которой управляло социал-демократическое (меньшевистское) правительство, поддерживаемое большей частью населения, была захвачена в феврале 1921 года Красной армией и насильственно «советизирована» — включена в состав СССР. Ленин и остальные большевистские лидеры поддержали это вторжение, а Троцкий, несмотря на некоторые первоначальные колебания, даже написал памфлет «Между империализмом и революцией» (1921) с весьма сомнительными аргументами, пытаясь оправдать этот шаг... Однако вскоре Ленин уже настаивал на необходимости компромисса с Жорданией, лидером грузинских меньшевиков, Сталин же, напротив, говорил о необходимости «уничтожить гидру» грузинского национализма, «выжечь ее каленым железом».

Так начался серьезный конфликт между Лениным и Сталиным, конфликт, который историк Моше Левин назвал «последней битвой Ленина». Тогда как большинство грузинских большевиков во главе с Мдивани и Махарадзе при поддержке Ленина выступали за высокую степень автономии для грузинской республики в составе Советского Союза, Сталин, сам грузин по происхождению, однако большой сторонник авторитарного и централизованного советского аппарата, был против.

Помимо частных вопросов на повестке дня стояло будущее СССР. Вступив в запоздалую отчаянную битву против великорусского шовинизма бюрократии, Ленин посвятил последние моменты осмысленной жизни противоборству с ее лидером и главным представителем — Сталиным. Уже наполовину парализованный, Ленин непрестанно разоблачал Сталина (в записках, продиктованных секретарю в декабре 1922 года), «великоросса-шовиниста, в сущности, подлеца и насильника, каким является типичный русский бюрократ». Он упоминает

некоего грузина — без сомнения, Сталина, — «который пренебрежительно швыряется обвинением в “социал-национализме” тогда, когда он сам является настоящим и истинным не только “социал-националистом”, но и грубым великорусским держимордой». Ленин прямо упоминает наркома по делам национальностей, а также главу ЧК: «Политически ответственными за всю эту поистине великорусско-националистическую кампанию следует сделать, конечно, Сталина и Дзержинского». Как известно, Ленин подытожил свое завещание призывом сместить Сталина с поста генсека. К сожалению, было уже поздно.

В то время как подход Сталина был в основе своей бюрократическим — усиление аппарата, централизация государства, административная унификация, — Ленин был прежде всего обеспокоен международными последствиями советской национальной политики: «Вред, который может проистечь для нашего государства от отсутствия объединенных аппаратов национальных с аппаратом русским, неизмеримо меньше, бесконечно меньше, чем тот вред, который проистечет не только для нас, но и для всего Интернационала, для сотен миллионов народов Азии, которой предстоит выступить на исторической авансцене в ближайшем будущем». Нет ничего опаснее для мировой революции, чем «попадать, хотя бы даже в мелочах, в империалистские отношения к угнетаемым народностям, подрывая этим совершенно всю свою принципиальную искренность, всю свою принципиальную защиту борьбы с империализмом»... После нового кровоизлияния в начале 1923 года Ленина разбил паралич — так исчезло главное препятствие на пути Сталина к главенству над партийным аппаратом. Когда Троцкий после 1923 года стал главным врагом сталинской бюрократии, он попытался продолжить ленинскую борьбу против шовинизма. Левая оппозиция 1927 года приняла сторону грузинских большевиков (Мдивани, Махарадзе), «попавших под опалу сталинской группы и горячо взятых под защиту Лениным в последний период его жизни». Левая оппозиция требовала полной публикации последних ленинских документов по национальному вопросу, скрытых от публики Сталиным, и настаивала прежде всего на том, что «шовинизм, особенно действующий посредством госаппарата, остается главным врагом сближения и сплочения трудящихся разных национальностей».

Много лет спустя в своих статьях об Украине 1939 года Троцкий снова возвратился к дебатам о Грузии и Украине в 1920-е, которые происходили, по его мнению, из острого противостояния между «централистической и бюрократической тенденцией», которую всегда представлял Сталин, и предложениями Ленина, стремившегося «пойти как можно дальше навстречу тем национальностям, которые угнетались в прошлом». С тех пор, добавляет Троцкий, централизм

и бюрократизм «получили чудовищное развитие и привели к прямому удушению сколько-нибудь самостоятельного национального развития народов СССР».

Некоторые предварительные уроки могут быть извлечены из опыта Октябрьской революции, а также из недавних событий, таких как распад Социалистической Федеративной Республики Югославия. Надежда (или утопия в революционном смысле слова) на построение свободной, гарантирующей всем национальным меньшинствам полную территориальную и/или культурную автономию социалистической федерации наций, равных в правах (включая право на отделение), сегодня по-прежнему актуальна как альтернатива национальному подавлению и этническим войнам с одной стороны и капиталистическим неолиберальным «объединениям» (Евросоюз) с другой.

1) Демократическое право на самоопределение всех наций должно стать общепризнанным; оно может быть ограничено только демократическими правами других наций. Иными словами: самоопределение не может оправдывать лишение прав «меньшинств» либо «этнические чистки».

2) С интернационалистской точки зрения марксизма все так называемые ирредентистские притязания на «исторические границы», «древние права» или «священные сакральные территории» несостоятельны. Единственным критерием для определения позиции по национальным конфликтам и противоречивым национальным требованиям является демократия, право народа самостоятельно решать свою судьбу.

3) Революционеры в целом — за вычетом сложных ситуаций с колониями — выступают за крупные многонациональные федерации (при условии их подлинной демократичности), а не за маленькие, якобы «гомогенные» национальные государства. Они намерены и впредь убеждать заинтересованные нации в своей точке зрения, но в конечном счете именно представители этих наций, используя свое демократическое право на самоопределение, должны выбирать подходящую форму политической организации. Как говорил Ленин, не бывает свободного брака без права на развод.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Одна из самых неожиданных черт fin de siècle — невероятный подъем национализма под разнообразными масками во всем мире. Поскольку исторически этот подъем совпал с крахом «реального социализма», сам собой напрашивается вывод, что интернационализм и социализм мертвы и что марксизм, неспособный справиться с национальными движениями, потерял актуальность.

На самом деле, этот аргумент не нов. Самые разные авторы отмечали, что марксистская традиция игнорирует национальный вопрос (так называемая черная дыра в теории) и что национальные движения невозможно объяснить с марксистской точки зрения. Нельзя отрицать, что марксисты зачастую недооценивали важность национальных проблем. Но так же верно, на мой взгляд, и то, что в марксистской литературе можно найти значительные и глубокие размышления на эту тему. Разумеется, это не означает, что они лишены лакун, противоречий, ошибок и поспешных выводов.

В этой книге собраны эссе двух типов: во-первых, комментарии по некоторым важным аспектам марксистского подхода к национальному вопросу; во-вторых, попытки проанализировать с марксистской точки зрения некоторые современные формы национализма и интернационализма. Вот три главных полемических тезиса книги:

- 1) интернационализм лежит в основании марксистской социалистической традиции, и сегодня он актуален более чем когда-либо;
- 2) разница между «угнетающей» и «угнетенной» нациями и идея национальной/культурной автономии отнюдь не противоречат друг другу и являются взаимодополняющими инструментами для понимания и разрешения национальных конфликтов;

3) в эпоху повсеместного подъема национализма формируются признаки возникновения нового интернационализма.

В первой главе, «Маркс и Энгельс — космополиты», речь идет о философских основаниях марксистского интернационализма как выражении революционного гуманизма. Мне кажется важным начать сборник статей по национальному вопросу с текста о значении интернационализма — ведь в нем и состоит стратегическая и методологическая основа марксистского подхода. Более того, в сегодняшнем мире, столкнувшемся с проблемами капиталистической глобализации, марксистский революционный вариант космополитизма представляется адекватной альтернативой.

Во второй главе рассматриваются некоторые упущения в трудах Маркса и Энгельса по национальному вопросу, однако в ней отвергается точка зрения, представленная историком Эфраимом Нимни, согласно которой их концепция в основе своей эволюционистская и евроцентричная. Эту короткую полемическую статью я написал вместе с моим другом Энцо Траверсо, историком-марксистом, автором нескольких замечательных работ по национальному вопросу (в том числе «Марксисты и еврейский вопрос»). Как мы увидим в последующих главах, зачатки теории нации, созданные Марксом и Энгельсом, могут быть развиты как в догматическом, евроцентричном и эволюционистском духе (что сделал Сталин), так и в освободительном и диалектическом (как делали Ленин, Бауэр и другие).

Ключевые вопросы третьей главы — классическое ленинское противопоставление угнетающих и угнетенных наций, которое остается релевантным, даже если учитывать разнообразные случаи стремительного превращения угнетенных в угнетателей, а также ленинская концепция права на самоопределение.

Ленинская традиция (к которой я отношу и мои предшествующие работы) весьма сурово обходилась с австро-марксистской идеей культурной автономии. На мой взгляд, идеи Отто Бауэра требуют более сбалансированной оценки — попытка набросать ее представлена в четвертой главе. В статье о Бауэре Жорж Опт заметил, что его книга «Национальный вопрос и социал-демократия» «стала моделью конкретного анализа и теоретического обобщения... и остается базовой работой, необходимой для любого исторического и теоретического анализа национального вопроса» [1].

Важно и другое — Бауэр был и остается убежденным сторонником социалистического интернационализма. Новое предисловие к этой книге, написанное в 1924 году, заканчивается следующим призывом: «Долг Интернационала может и должен заключаться не в устранении национальных особенностей, а в развитии интернационального

единства в национальном разнообразии». Сам Ленин, критически настроенный к некоторым политическим идеям Бауэра, настаивал на том, что «Отто Бауэр очень правильно рассуждает о целом ряде важнейших вопросов». Ленин отмечает, например, что только уничтожение капитализма и построение социализма способно устранить национальное угнетение [2].

Можно понять серьезные сомнения Ленина по поводу программы Бауэра (а также еврейского Бунда), предполагавшей разделение национальных школ, которую он сравнивает с системой школьной сегрегации на Юге США. И все же общее отрицание Лениным бауэровской перспективы национальной/культурной автономии недостаточно убедительно. Как отметил в книге «Марксисты и еврейский вопрос» Энцо Траверсо, большевистская политика предлагала меньшинствам выбор между ассимиляцией и самоопределением, однако не справлялась с проблемами экстерриториальных наций, которые отвергали первое решение, но не имели объективных условий, необходимых для второго [3].

Большевики по крайней мере в первые годы советской власти проводили в отношении еврейского и других национальных меньшинств политику, в значительной степени вдохновленную идеями национальной/культурной автономии, которые предлагали Бауэр и члены Бунда: это касалось, например, поддержки школ с преподаванием на идиш, театров, издательств, библиотек и т. п.

В заключение можно сказать, учитывая исторический опыт, — в том числе недавний катастрофический распад многонациональных государств (СССР и Югославии), — что территориальное самоопределение и национально-культурная автономия должны рассматриваться как взаимодополняющие, а не исключающие друг друга.

ГЛАВА 1.

МАРКС И ЭНГЕЛЬС — КОСМОПОЛИТЫ

Каким Маркс и Энгельс видели место наций в будущем коммунистическом обществе? Мы знаем, что авторы «Манифеста коммунистической партии» старались особенно не забегать вперед и не заглядывать за горизонт будущего. Тем не менее в нескольких ранних трудах (между 1845 и 1848 годами) они сделали ряд высказываний по поводу наций в коммунистическом обществе. Некоторые их тезисы повлияли на российское рабочее движение, в особенности на ленинскую мысль.

Отдельные пассажи «Манифеста» вызывали противоречивые толкования и ожесточенную полемику на протяжении более чем ста лет:

Далее, коммунистов упрекают, будто они хотят отменить отечество, национальность. Рабочие не имеют отечества. У них нельзя отнять то, чего у них нет. Так как пролетариат должен прежде всего завоевать политическое господство, подняться до положения национального класса, конституироваться как нация, он сам пока еще национален, хотя совсем не в том смысле, как понимает это буржуазия. Национальная обособленность (Absonderungen) противоположности народов все более и более исчезают уже с развитием буржуазии, со свободой торговли, всемирным рынком, с единообразием промышленного производства и соответствующих ему условий жизни. Господство (Herrschaft) пролетариата еще более ускорит их исчезновение. Соединение усилий, по крайней мере цивилизованных стран, есть одно из первых условий освобождения пролетариата. В той же мере, в какой будет уничтожена эксплуатация одного индивидуума другим, уничтожена будет и эксплуатация одной нации другой. Вместе с антагонизмом классов внутри наций падут и враждебные отношения наций между собой. [1]

В этом фрагменте нас больше всего интересует исчезновение национальных обособленностей и противоположностей. Здесь необходимо пояснение. В представлении Маркса и Энгельса речь идет

о процессе, в который уже в огромной степени вовлечена буржуазия. Задача же пролетариата — довести процесс до абсолютного завершения. Этот тезис порожден неожиданным оптимизмом по поводу свободной торговли, а также в некоторой степени «экономистским» подходом — поскольку предполагается, что «единообразие промышленного производства и соответствующих ему условий жизни» само по себе приведет к концу национальных конфликтов. Следует добавить, что в других работах того времени Энгельс, как и Маркс, настаивает на невозможности разрешения национальных противоречий в рамках капиталистического способа производства. Например, в выступлении на интернационалистском митинге в Лондоне в сентябре 1845 года Энгельс сказал:

Пустые мечты о создании европейской республики, об обеспечении вечного мира при соответствующей политической организации стали так же смешны, как и фразы об объединении народов под эгидой всеобщей свободы торговли ... буржуазия каждой страны имеет свои особые интересы ... она не способна подняться выше национальности. [2]

Пассаж из «Немецкой идеологии» помогает нам прояснить противоречия: не буржуазия как таковая, а крупная промышленность устраняет национальные барьеры — путем создания нового, полностью интернационального класса, пролетариата:

в то время как буржуазия каждой нации еще сохраняет свои особые национальные интересы, крупная промышленность создала класс, которому во всех нациях присущи одни и те же интересы и у которого уже уничтожена национальная обособленность... [3]

Это высказывание напоминает известную формулу «рабочие не имеют отечества», которая отнюдь не является неким чудачеством, но тесно связана со всей концепцией Маркса и Энгельса, заключающейся в том, что: 1) национальное государство принадлежит не пролетариату, а буржуазии [4]; 2) материальные, экономические, социальные и политические условия пролетариата одинаковы во всех индустриальных странах. В заметках о германском экономисте Фридрихе Листе, относительно недавно найденных в архивах Маркса его внуком Марселем-Шарлем Лонге, Маркс писал:

Национальность рабочего — не французская, не английская, не немецкая, его национальность — это труд, свободное рабство, самораспродажа. Его правительство — не французское, не английское, не немецкое, его правительство — это капитал. Его родной воздух — не французский, не немецкий, не английский, его воздух — фабричный воздух. Принадлежащая ему земля — не французская, не английская, не немецкая, она лежит на несколько футов ниже поверхности земли. [5]

Следовательно, для Маркса и Энгельса только пролетариат, как универсальный класс, лишенный национальности и имеющий общие

всемирно-исторические интересы, может привести к созданию универсального общества, в котором национальные различия будут преодолены (ниже мы увидим точное значение термина «национальные различия»). В выступлении на митинге интернационалистов в Лондоне (1845) Энгельс развивает эту тему четко, убедительно и радикально:

Пролетарии во всех странах имеют одни и те же интересы, одного и того же врага, им предстоит одна и та же борьба; пролетарии в массе уже в силу своей природы свободны от национальных предрассудков, и все их духовное развитие и движение по существу гуманистично и антинационалистично. Только пролетарии способны уничтожить национальную обособленность, только пробуждающийся пролетариат может установить братство между различными нациями. [6]

В некоторых трудах Энгельса эта гуманистическая и «антинациональная» концепция именовалась космополитизмом. Например, в том же докладе 1845 года Энгельс так отозвался о прошлогоднем мероприятии в Лондоне: «Уже на упомянутом праздновании 10 августа были высказаны как коммунистические, так и космополитические принципы», — а собрание в сентябре 1845 года, с его духом интернационалистического братства, воодушевленно описанного в статье, он называет «космополитическим празднеством» [7]. Очевидно, что Энгельс старается отделить этот коммунистический космополитизм и от «лицемерного, частно-эгоистического космополитизма свободной торговли» [8], и от псевдо-космополитизма «социалистических патриотов» наподобие Луи Блана. Выступая в Дижоне в декабре 1847 года, Луи Блан выдвинул идею, что Франция является в первую очередь космополитической нацией, поэтому служить будущему Франции — значит служить будущему всего человечества. В полемической статье от 30 декабря 1847 года Энгельс иронически комментирует эту весьма своеобразную концепцию космополитизма:

«Француз», — говорит г-н Блан, — «неизбежно является космополитом». Да, в таком мире, где будут господствовать только французское влияние, французские нравы, обычаи, идеи и политические порядки! В таком мире, где каждая нация переняла бы характерные свойства французской национальности! Но именно против этого должны протестовать демократы других наций. Вполне готовые отказаться от грубых черт своей национальности, они ожидают того же от французов. Их совершенно не удовлетворяет уверение французов, что они, как французы, уже тем самым являются космополитами. Подобное уверение равносильно требованию, чтобы все остальные стали французами. [9]

Статья Энгельса заканчивается ремаркой, еще раз демонстрирующей позитивный смысл, которое он придает слову «космополитизм»: «Если бы мы стали применять масштаб г-на Блана, то истинными космополитами оказались бы немцы. Но немецкие демократы весьма далеки от таких претензий» [10]. В примечании восточногерманские

издатели трудов Маркса и Энгельса указывают: «Слова «космополитизм» и «космополит» употребляются здесь Энгельсом не в бланковском смысле и не в смысле буржуазного космополитизма, критикуемого в этой статье, а в точном своем значении: «универсально человеческий» и «свободный от национальных предрассудков». Кроме того, в словаре иностранных терминов в конце тома мы находим следующий перевод: «Космополитический: здесь — интернациональный» [11]. Иными словами, нет сомнения, что Энгельс считал себя «коммунистическим космополитом» и что «космополитизм» в его политическом словаре — аналог интернационализма.

Именно в этом смысле Энгельс употреблял слово «космополитизм» позже, и, например, в письме 1874 года к Ф.А. Зорге он ссылается на период основания Первого интернационала: «Это был момент, когда общие международные интересы пролетариата были выдвинуты на первый план» [12].

Хорошо известно, что во времена сталинских процессов 1949–1952 годов в Восточной Европе внутри коммунистического движения была развязана гигантская кампания против «космополитизма». Во время этих процессов (особенно процесса Сланского и его друзей) часто выдвигалось обвинение в «космополитизме», тесно связанное с обвинениями в «сионизме» и «троцкизме», причем в первую очередь против подсудимых еврейского происхождения [13]. В рамках этой кампании интеллектуалы и теоретики коммунистического движения в Западной Европе тоже пытались использовать труды Маркса и Энгельса в своей беспощадной борьбе против космополитизма. Одна из характерных попыток — работа Жоржа Конье «Реальность нации: ловушка космополитизма» [14].

В своей борьбе с космополитизмом Конье использует фрагмент из «Немецкой идеологии», в котором Маркс критикует немецких «настоящих социалистов». Согласно Марксу, работы этого течения показывают «узко-национальное мировоззрение», лежащее в основе «мнимого универсализма и космополитизма немцев» [15]. По нашему мнению, текст ясно показывает, что 1) универсализм, по Марксу, включает в себя космополитизм и оба они противостоят узкому национализму и 2) немцы полагают себя космополитами, но не являются ими, учитывая их националистическую ментальность. Согласно же Конье, смысл этого отрывка вот в чем: «Маркс использовал пример этих псевдо-социалистов, чтобы показать, что национализм и космополитизм идут рука об руку» [16].

Кроме того, Конье цитирует в подтверждение своего тезиса вышеприведенный пассаж из статьи Энгельса против Луи Блана. Однако он опускает пункт, по всей видимости подчеркивающий его аргументы, — пункт,

в котором Энгельс объясняет, что демократы всех наций «вполне готовы отказаться от грубых черт своей национальности». В то время как издатели трудов Маркса и Энгельса признают, что Энгельс противопоставляет подлинный космополитизм («в точном смысле слова») псевдокосмополитизму Луи Блана, Конье представляет позицию Энгельса как отрицание космополитизма в принципе.

Наконец, Конье приводит критику Энгельсом «лицемерного частноэгоистического космополитизма свободной торговли» в докладе 1845 года как доказательство антикосмополитизма автора, умалчивая о том, что Энгельс в этой статье превозносит коммунистический космополитизм (строго отделяя его от буржуазного фритредерского космополитизма). Вывод Конье четок и очевиден: «Такие указания у Маркса и Энгельса ценны как принцип. Они в достаточной степени подтверждают, что марксизм не имеет ничего общего с космополитизмом» [17]. По меньшей мере, можно сказать, что этот вывод связан скорее с конкретными политическими запросами 1950 года, чем со строгим анализом текстов Маркса и Энгельса 1845–1848 годов.

В реальности идея космополиса, всемирного города, выходящего за пределы национальных границ, составляет саму суть размышлений Маркса и Энгельса по национальному вопросу в тот период. В отличие от философов Древней Греции их интересовали не чисто моральные устремления, но политический проект всемирно-исторического масштаба, который должен возникнуть в результате революционного восстания. В «Немецкой идеологии» Маркс подчеркивает, что только через коммунистическую революцию история станет действительно «всемирной историей» (Weltgeschichte). Только в результате такой революции «индивиды освобождаются от различных национальных и местных рамок, вступают в практическую связь с производством (также и духовным) всего мира и для них становится возможным приобрести способность пользоваться этим всесторонним производством всего земного шара (всем тем, что создано людьми)» [18]. С этой точки зрения нация видится стадией исторического развития человечества, невозможной на более высокой степени всеобщности:

То, что нации сделали как нации, они сделали для человеческого общества, только вся их ценность состоит в том, что каждая нация разработала для других наций одно из тех главных определений (главных аспектов), в рамках которых продельывает свое развитие человечество, и, таким образом, после того как были разработаны: промышленность в Англии, политика во Франции, философия в Германии, они разработаны для всего мира, и их всемирно-историческое значение, как и всемирно-историческое значение этих наций, тем самым завершилось. [19]

В свете этих рассуждений мы должны и интерпретировать краткое замечание в «Манифесте коммунистической партии» об исчезновении национальных обособленностей и противоположностей. Кроме того, следует отметить, что эта фраза связана не только с политическими и телеологическими позициями Маркса и Энгельса, но также с тенденциями в коммунистической составляющей рабочего движения того времени. В классической работе по национальному вопросу австромарксист Отто Бауэр говорил о «простом космополитизме» первых лет пролетарского движения — космополитизме, вытекающем из «идеи Человечества» [20].

На самом деле, концепции «Манифеста» очень близки к доктрине Союза коммунистов (рабочая организация, попросившая Энгельса отредактировать этот текст). Первый «Проект Коммунистического символа веры», одобренный на съезде Союза в июне 1847 года (вариант, написанный Энгельсом совместно с рабочими лидерами Союза), содержит следующую формулировку, еще более радикальную, чем в «Манифесте»:

Вопрос 21. Сохранятся ли национальности при коммунизме?

— Национальные черты народов, объединяющихся на основе принципа общности, именно в результате этого объединения неизбежно будут смешиваться и таким образом исчезнут точно так же, как отпадут всевозможные сословные и классовые различия вследствие уничтожения их основы — частной собственности. [21]

Окончательная версия «Манифеста» более сдержанна: речь идет только об исчезновении национальной обособленности и противоположности. Очевидно, что все зависит от того, как мы переведем это слово, которое можно понимать как «различия», «обособление» или «изоляция». Марксистами, марксоидами и марксологами разных направлений было выдвинуто несколько толкований как «Манифеста», так и других работ Маркса и Энгельса на эту тему в период с 1845 по 1848 год. Некоторые толкования довольно минималистичны, например, у Соломона Блума в его известной работе по национальному вопросу у Маркса. По мнению Блума,

«Манифест» — таинственный и загадочный документ, поэтому его легко неверно прочесть. Авторы «Манифеста» предвидели не полное исчезновение каких-либо национальных отличий, но избавление от резких экономических и политических различий, экономической изоляции, несправедливого неравенства, политической конкуренции, войн и эксплуатации одной нации другой. [22]

Такое толкование небезосновательно, но оно оставляет без внимания радикальный аспект в работах Маркса и Энгельса в период 1845–1848 годов, а также перспективу вселенского города, которая вдохновляла их. Кроме того, Блум не приводит текстуальных подтверждений тому, что

термин «национальные обособленности» относится только к экономическим и социальным различиям.

Другую крайнюю точку зрения можно найти у Бертела Оллмана, который предлагает весьма «максималистичное» прочтение высказываний Маркса и Энгельса о будущем нации. Согласно Оллману, в Марксовом видении коммунизма

различий по признаку нации, расы, религии, географии (горожане и сельские жители), рода занятий, класса и семьи больше не существует. Им на смену пришли новые, пока еще безымянные различия, связанные скорее с характерными особенностями народа и жизнью эпохи. [24]

Оллман прав, когда настаивает на универсальных, всемирно-исторических, наднациональных измерениях Марксова коммунистического общества. Более того, он один из немногих авторов описал проблематику Маркса как «космополитическую», одновременно показав, что авторы «Манифеста» вовсе не видят это общество гомогенным, унифицированным или монолитным. И все же он заходит слишком далеко, особенно когда пишет в связи с замечанием из «Немецкой идеологии» по поводу языка, подчиненного «абсолютному контролю индивидуумов»:

Я понимаю это так: на смену тысячам существующих сегодня языков придет один (хотя ограниченная культурная роль многих языков сохранится), и этот язык будет специально приспособлен для непосредственной передачи необычных переживаний, мыслей и чувств людей новой эпохи. [25]

Между тем такая интерпретация никак не следует из слов самого Маркса — у него идет речь лишь о контроле людей над языком, а все не о том, что национальные языки обречены на исчезновение. Наоборот, уже в следующей фразе Маркс иронизирует по поводу «Союза», проповедуемого Максом Штирнером, в котором все будут говорить на одном языке: «В «Союзе» же будут говорить на языке как таковом, на святом языке, на языке Святого — по-древнееврейски, и именно на арамейском диалекте». [26] На самом деле, Маркс и Энгельс редко рассматривают национальный вопрос с культурной точки зрения: в «Немецкой идеологии» Маркс подчеркивает, что «при коммунистической организации общества отпадает подчинение художника местной и национальной ограниченности» [27], но это не позволяет нам делать широкие обобщения по поводу будущего национальных культур, к чему склонен Оллман.

Третья интерпретация, кажущаяся наиболее убедительной, была выдвинута Романом Роздольским в статье 1965 года: то, что Энгельс подразумевает под «исчезновением» (или даже «растворением») национальности, есть, конечно же, не «отмена» существующих этнических и лингвистических общностей (что было бы абсурдом), а конец

политического размежевания народов. В обществе, в котором (как сказано в «Манифесте») «публичная власть потеряет свой политический характер», а государство как таковое отомрет, не останется места для отдельных «национальных государств» [29].

Действительно, и именно это подчеркивал Маркс в «Манифесте», — сначала пролетариат должен взять власть в свои руки в рамках национального государства. Однако это отдельное пролетарское национальное государство «будет лишь переходной стадией к будущему бесклассовому и безгосударственному обществу, поскольку создание такого общества возможно только в международном масштабе» [30].

Подведем итог. В работах Маркса и Энгельса 1845–1848 годов есть космополитический/интернационалистский (вполне взаимозаменяемые в то время слова) проект мирового города, универсальной *Gemeinschaft* (общности), в которой исчезнут не только национальные противоречия и конфликты, но также экономические, социальные и политические (но не культурные) различия между нациями. Перспектива мира без границ тесно связана с общим мировидением Маркса и Энгельса, в частности: 1) с их гуманистической проблематикой, то есть восприятием человечества как исходной точки рефлексии и политической практики; 2) с их представлением о коммунизме как о необходимо «всемирно-исторической» системе; 3) с их тезисом об отмирании государства в будущем бесклассовом обществе; 4) с их пониманием пролетариата как универсального наднационального класса — вследствие его материального положения и объективных интересов.

Судя по всему, после революции 1848 года, во время которой национальный вопрос открылся Марксу и Энгельсу во всей глубине и сложности, авторы «Манифеста» отказались от космополитической проблематики своих ранних работ, но остались верны интернационализму — в первую очередь как актуальному политическому измерению. Например, в «Критике Готской программы» (1875) Маркс жестко атакует сторонников Лассаля за то, что те подходят «к рабочему движению с самой узкой национальной точки зрения», и противопоставляет выдвинутому в Готской программе лозунгу «Международное братство народов» лозунг «Международное братство рабочих классов разных стран в их совместной борьбе против господствующих классов и их правительств» [31]. Между тем, Маркс не предлагает никакой перспективы на будущее, не ставит вопрос о национальном государстве или «национальном обособлении» на каком бы то ни было уровне.

С чем связано такое молчание? Тактическая осмотрительность, политический реализм или пришедшее с годами убеждение, что национальный фактор более значим, чем предполагалось? А может, страх перед тем, что идея космополитизма будет использована «лидирующим государством» для поглощения других наций? В письме Энгельсу от 20 июня 1866 года Маркс сообщает о собрании совета Первого интернационала:

Представители «молодой Франции» (нерабочие) выдвигали ту точку зрения, что всякая национальность и самая нация — «устарелые пред-рассудки». Прудонистское штирнерианство. Разложить все на мелкие «группы» или «коммуны», которые затем образуют «союз», но не государство. И в то время как происходит эта «индивидуализация» человечества и развивается соответствующий «мютюэлизм», история во всех остальных странах должна приостановиться, и весь мир должен ждать, пока французы созреют для совершения социальной революции. Тогда они проделают на наших глазах этот опыт, и весь остальной мир, побежденный силой их примера, сделает то же.

...Англичане очень смеялись, когда я начал свою речь с того, что наш друг Лафарг и другие, отменившие национальности, обращаются к нам «по-французски», то есть на языке, непонятном для 9/10 собрания. Далее я намекнул, что Лафарг, сам того не сознавая, под отрицанием национальностей понимает, кажется, их поглощение образцовой французской нацией. [32]

Маркс опасался, что космополитический идеал может стать оправданием гегемонии «образцовой нации». Он не мог предвидеть, что почти столетие спустя (1949–1952), по иронии истории, в Восточной Европе лидеры правящей партии, строители «социализма в одной стране», будут уничтожать своих оппонентов (в том числе ветеранов Интернациональных бригад в Испании) не в последнюю очередь во имя «борьбы с космополитизмом».

ГЛАВА 2.

МАРКС И ЭНГЕЛЬС — ЕВРОЦЕНТРИСТЫ?

(глава написана совместно с Энцо Траверсо)

Большая часть историков (в том числе марксистских) подчеркивает недостаточность и ограниченность трудов Маркса и Энгельса по национальному вопросу. Критика теории Энгельса о нациях «без истории» — впервые сформулированная в начале XX века Отто Бауэром в его монументальном труде «Национальный вопрос и австрийская социал-демократия» (1907) и развитая после Второй мировой войны более четко и систематично украинским историком-марксистом Романом Роздольским — является безусловным достижением современной марксистской литературы по национальному вопросу. В целом марксистские историки склонны считать национальный вопрос одним из главных пробелов в теоретическом наследии Маркса и Энгельса. Многие полагают, в частности, что категория «неисторических народов» (*geschichtlosen Volker*) фундаментально противоречит основаниям марксизма.

Напротив, Эфраим Нимни считает, что «Маркс и Энгельс имеют цельную точку зрения на национальный вопрос, хотя они и не оставили единого корпуса текстов, прямо и подробно представляющего их теории» [1]. По его мнению, цельность этой концепции основана на трех фундаментальных «парадигмах» исторического материализма: 1) теория эволюции, то есть видение истории «как ряда прогрессивных изменений через универсальные и иерархически определенные стадии»; 2) детерминистская теория, анализирующая — через «экономический редукционизм» — все социальные изменения как автоматический результат развития производительных сил; 3) «евроцентричный» мир, представление о котором является необходимым и неизбежным следствием двух вышеуказанных «теоретических критериев». Ознакомившись с этими тезисами, читатель

может подумать, что перед ним — критика марксизма как такового. Между тем в конце работы мы обнаруживаем, что Эфраим Нимни считает себя марксистом и обращается к историческому материализму, очищенному от «вводящего в заблуждение наследия европейского марксизма».

Мы понимаем достойные намерения Нимни, но его позиция кажется нам весьма противоречивой. Если бы мы были убеждены, что теория Маркса основывается на форме эволюционизма и экономического детерминизма, неизбежно раскрывающихся в евроцентристском мировоззрении, мы, безусловно, были бы антимарксистами. На самом деле, основные предпосылки Нимни — карикатура на мысль Маркса и подходят скорее для характеристики других материалистических мировоззрений, разработанных Каутским, Плехановым и Бухариным. Некоторые работы Маркса и Энгельса, и прежде всего, «Манифест коммунистической партии», несомненно содержат в своей интерпретации истории склонность к эволюционизму или экономическому детерминизму. Однако было бы ошибкой сводить всю мысль Маркса к представлению о том, что общество и история существуют по естественным законам развития производительных сил или проходят определенные стадии по европейскому образцу. Некоторые из критических наблюдений Нимни имеют основание, — например, когда он замечает, что Маркс и Энгельс были равнодушны к тем националистическим движениям, которые не стремились или не могли создать национальное государство, но в целом его анализ слишком часто грешит односторонностью, а серьезные обобщения выводятся из отдельных фраз.

Некоторые пассажи «Манифеста коммунистической партии» могут быть восприняты как настоящая ода исторической работе капитализма по разрушению феодального порядка и других архаичных социальных формаций. Маркс и Энгельс придают капитализму «революционный» характер за пределами Европы, в период, когда на континенте, по их мнению, уже создались условия для социалистической революции. Они пишут, что в Индии Британия, с одной стороны, разрушает старое общество, с другой — закладывает основы для современного развития общества посредством индустриализации. В 1853 году Маркс охарактеризовал Англию, ведущую силу этих социальных изменений, как «бессознательное орудие истории» [2]. Сходным образом Энгельс поддерживал аннексию Калифорнии США, потому что, согласно его доводам, «энергичные янки» лучше, чем «ленивые мексиканцы», обеспечат экономический рост региона [3]. В 1848 году Энгельс даже приветствовал — это подчеркивает Нимни — завоевание Францией Алжира как «важное и благоприятное событие для прогресса цивилизации» [4].

Безусловно, критиковать и опровергать эти заключения крайне важно, но было бы ошибкой и упрощением видеть только их. На самом деле, Маркс и Энгельс часто разоблачали заблуждение, глубоко укорененное в евроцентристской культуре их эпохи и в империалистической идеологии, — заблуждение, согласно которому колониальные завоевания заключают в себе «цивилизаторскую миссию». Они видели в капитализме систему, превращающую «любой экономический прогресс в социальное бедствие» [5]. Они были зачарованы шестивеком капитализма по планете, но в то же время разоблачали варварство и жестокость, сопутствовавшие этому процессу. Говоря о британской колонизации Индии, Маркс сравнил человеческий прогресс с «отвратительным языческим идолом, который не желал пить нектар иначе, как из черепов убитых» [6]. В 1857 году в статье об Алжире, написанной для Американской энциклопедии, Энгельс разоблачил «ужасы разврата и жестокости» французской «варварской системы ведения войны» против «кабийских племен, которые дорожат независимостью как сокровищем, а ненависть к иноземному господству ставят выше самой жизни» [7]. В 1861 году Маркс назвал европейскую экспедицию в Мексику «одним из самых чудовищных предприятий, когда-либо занесенных в летописи международной истории» [8]. Это высказывание, как и прокитайские высказывания по поводу «опиумных войн» с Англией, — отнюдь не пример евроцентризма.

Также не может быть принято и эволюционистское толкование учения Маркса, поскольку оно схематизирует и обедняет сложность и богатство Марксовой мысли. Нимни сводит всю эту сложность к известному пассажиру в «Капитале», ставшему догмой позитивистского марксизма Второго интернационала: «Страна, промышленно более развитая, показывает менее развитой стране лишь картину ее собственного будущего» [9]. На рубеже столетий каутскианская «ортодоксия» заперла теорию Маркса в железную клетку эволюционистской интерпретации. Мысль Маркса настолько отождествлялась с социал-дарвинистскими теориями, что молодой Грамши приветствовал русскую революцию 1917 года как «революцию против «Капитала» [10].

Между тем в этом пассаже вовсе не представлена вся полнота марксистской мысли. Маркс никогда не пытался механически переносить стадии развития Западной Европы — примитивный коммунизм, рабовладение, феодализм, капитализм — на все остальные страны, и его работы о докапиталистических обществах представляют скорее гипотезы для дальнейшего исследования, чем неоспоримые выводы. Что касается России, в 1881–1882 годах Маркс считал возможным прямой переход от общины к коммунизму, минуя «ужасные подъемы и спады» капитализма, — если крестьянская революция в России

объединится с социалистической революцией в Европе. В письме от 1877 года в журнал «Отечественные записки» Маркс предупредил читателей об опасности «превращения моего исторического очерка возникновения капитализма в Западной Европе в историко-философскую теорию о всеобщем пути, по которому роковым образом обречены идти все народы, каковы бы ни были исторические условия, в которых они оказываются». В 1881 году он высказывает подобное соображение в известном письме Вере Засулич, характеризуя общину как «точку опоры социального возрождения России» [11]. Руководимые Плехановым русские марксисты, которым идея перепрыгивания через капитализм казалась народнической ересью, тщательно скрывали это письмо (оно было найдено и опубликовано Давидом Рязановым (революционер, исследователь истории общественной мысли и всемирно известный ученый-марксист, создатель и первый руководитель Института Маркса и Энгельса. Академик АН СССР.— Прим. ред.) лишь в 1911 году). Это лишь один пример антиэволюционистского направления в работах Маркса.

Маркс и Энгельс сформулировали скорее общее представление, чем законченную теорию относительно национального вопроса. Отсюда ограниченность их теоретических разработок, которая в то же время удержала их от слишком безапелляционных и нормативных определений наподобие предложенных Каутским (нация как экономическое, языковое и территориальное единство) или Сталиным (нация как экономическая, территориальная, языковая, культурная и психологическая общность) [12]. Оба немецких революционера жили в эпоху, когда в Европе все еще формировались национальные государства (Германия, Италия, Польша, Венгрия), и этот факт не мог не повлиять на их точку зрения. Из работ Маркса и Энгельса мы можем вывести понятие нации как исторической формации, связанной с развитием капиталистического способа производства и кристаллизованной в политической надстройке — национальном государстве [13]. Однако это представление не было сформировано в систему. Возможно, неполнота их анализа национального вопроса связана с представлением о том, что они живут в эпоху буржуазного космополитизма, и в результате скорого пришествия социализма национальные конфликты будут преодолены. В «Манифесте коммунистической партии» термины «космополитизм» и «интернационализм» фактически взаимозаменяемы. Интернационализация капиталистического способа производства и образование мирового рынка видятся здесь как процесс, «сделавший производство и потребление всех стран космополитическим», вследствие чего все менее возможными становятся национальная односторонность и ограниченность, а также образуется «мировая литература». В этой бесконечной трансформации общественной жизни капитализм сделал «деревню зависимой от города...

варварские и полуварварские страны зависимыми от стран цивилизованных, крестьянские народы — от буржуазных народов, Восток — от Запада» [14]. Это перечисление революционных функций капиталистического способа производства (то есть экономической системы, которая, все более унифицируя мир как материально, так и «духовно», уничтожает основу национальных конфликтов), естественно, привело авторов «Манифеста» к приуменьшению важности национального вопроса. Такая недооценка, содержащая некоторые элементы экономического редукционизма и евроцентризма, особенно свойственна работам Маркса и Энгельса 1848–1849 годов.

Действительно, в «Манифесте коммунистической партии» есть некоторые сомнительные формулировки. Было бы, однако, ошибкой вслед за Нимни приписывать Марксу и Энгельсу представление о том, что «нации будут уничтожены нарастающим приливом истории». Они пишут о том, что главенство пролетариата приведет к исчезновению «национальной обособленности и противоречий». Наиболее подходящее толкование этой фразы, по нашему мнению, содержится в статье Романа Роздольского 1965 года: Маркс и Энгельс, надеясь на преодоление национальной обособленности и противоречий в коммунистическом обществе, полагались, «конечно, не на «исчезновение» существующих этнических и языковых общностей», а на исчезновение национальных антагонизмов и конфликтов, также как и экономических, социальных и политических (но не культурных) различий между народами [15]. Ирландский пример проливает свет на другой теоретический подход к национальной проблематике, который можно найти у Маркса и Энгельса. Критерий, который заставил их признать Ирландию исторической нацией, был не экономический, а по существу политический. Они исходили, прежде всего, из желания ирландцев стать независимой нацией. В Ирландии национализм укреплялся прямо пропорционально процессу денационализации, который осуществлялся британским империализмом. Национализм был реакцией не только на экономическое разграбление острова, но и на самую настоящую языковую ассимиляцию ирландцев, которые отказывались от гэльского языка и переходили на английский. Энгельс писал: «После свирепейшего подавления, после каждой попытки истребления ирландцы, спустя короткий срок, снова поднимались с еще большей силой, чем когда-либо прежде; они словно черпали свою главную силу в чужеземном гарнизоне, который сажали им на шею для их угнетения» [16].

В этом случае понятие нации выводилось не из объективных критериев (экономика, язык, территория и т.п.), а основывалось скорее на субъективном элементе: желании ирландцев освободиться от британского господства. В этой концепции сложно найти какие-либо

признаки «экономического редуccionизма», она наоборот подчеркивает важность национального самосознания и самоощущения. В 1939 году Троцкий взял на вооружение тот же самый метод в дискуссии с С.Л.Р. Джеймсом по вопросу о чернокожем населении Америки, считая, что «в этом предмете абстрактный критерий не является решающим, более важны историческое сознание, чувства и порывы группы» [17]. На самом деле, две основных марксистских интерпретации национального феномена — с одной стороны, экономистская и детерминистская теории Каутского и Сталина, с другой — историческая и культурная теории Бауэра и Троцкого — исходят из классического марксистского подхода, неполнота и расплывчатость которого может быть развита как эволюционистским, так и диалектическим путем.

Пытаясь доказать, что взгляды Маркса, при всей фрагментарности и неполноте, представляют из себя систематизированное и завершенное «эволюционистское целое», Нимни заявляет, что «фундаментальное теоретическое допущение» Маркса и Энгельса состояло в том, что «любое национальное государство» «нерасторжимо связано с универсализацией капиталистического способа производства и гегемонии буржуазии». Это объясняет, согласно Нимни, «безоговорочное отстаивание Марксом и Энгельсом права на самоопределение ирландцев и поляков» и в то же время их «суровые отзывы о южных славянах». И Маркс, поддерживавший Ирландию вовсе не из-за «буржуазной гегемонии», был удовлетворен тем, что фении, основная сила ирландской национальной и аграрной борьбы, «отличаются социалистической тенденцией (в негативном смысле, как движение, направленное против присвоения земли)» [18]. Причины, заставившие классиков марксизма поддержать именно польский, а не сербский или богемский национализм, были не экономистскими («объединение капиталистической экономики»), а исключительно политическими: польское национальное движение было антицаристским, тогда как другие, по мнению Маркса, манипулировались царизмом. Можно считать, что его политическая позиция по поводу южных славян была ошибочной, однако невозможно доказать, что она была логическим следствием «эволюционистских» и «евроцентристских» взглядов (кстати, неужели в Польше больше «европейскости», чем, скажем, в Богемии?) и тем более следствием «классической эпистемологии марксизма».

«Неисторические» нации

С теорией «неисторических наций» связано главное противоречие в доводах Нимни. С одной стороны, он пишет, что его теория «вытекает» из «классической марксистской эпистемологии» с ее «универсальными

процессами социального преобразования». Но двумя страницами ниже он замечает, что это гегельянское представление находится «в прямом противоречии с тем, как понимает историю исторический материализм»! Более того, он считает «странным», что «в трудах основоположников исторического материализма» слышны отзвуки «идеалистических спекуляций» [19].

Мы полностью согласны со вторым тезисом, но он абсолютно несовместим с первым.

Есть и еще одна проблема: Нимни однозначно приписывает Марксу тот же взгляд на «неисторические народы», что и Энгельсу, почти не предоставляя доводов в пользу такого суждения. Рассмотрим его аргументы: 1) «Немыслимо», чтобы Маркс и Энгельс «не имели общего мнения по столь фундаментальному вопросу». Что ж, здесь трудно сказать что-либо определенное. Нет подтверждений тому, что Маркс соглашался либо не соглашался с этой теорией (как нет и подтверждений тому, что эта тема была ему безразлична). Факт в том, что он не использовал эту теорию в своих работах. Поэтому есть некоторый произвол в том, чтобы приписывать ему подобные представления. То, что между Марксом и Энгельсом существовали расхождения по ряду вопросов, не проявлявшиеся открыто, отмечалось марксистскими философами и учеными. И непонятно, почему «невозможно представить» то же самое и в связи национальным вопросом. 2) «Маркс также позволял себе уничижительные замечания по поводу мелких или не западных национальных сообществ». Он использовал «оскорбительные выражения» и был «агрессивен и нетерпим к этническим меньшинствам». В качестве примера Нимни цитирует некоторые высказывания об испанцах, мексиканцах и китайцах. Надо сказать, что ни одна из этих наций не является «этническим меньшинством» и ни одна из них не считалась «неисторической» ни Марксом, ни Энгельсом (все они на тот момент имели свое государство). А испанцы вообще не являются — географически и исторически — ни «маленькой», ни «неевропейской» нацией!

Более того, цитаты о Китае вырваны Нимни из контекста. Отнюдь не «уничижительная» в отношении Китая, эта статья гласит, что «ближайшие восстания народов Европы... будут, вероятно, в большей мере зависеть от того, что происходит в настоящее время в Небесной империи — прямой противоположности Европы, — чем от какой-либо иной существующей ныне политической причины... можно смело предсказать, что китайская революция бросит искру в готовую взорваться мину современной промышленной системы и заставит развиться давно назревающий всеобщий кризис, за которым, когда он распространится за границу, непосредственно последуют политические революции на континенте» [20]. Далекое от «евроцентризма», это

предсказание — увы, совершенно ошибочное — удивительно созвучно наиболее экстремальному «третьемиризму» 1960-х.

Маркс действительно часто отзывается о китайской нации как о «полуварварской». Однако в тексте о войне китайцев против английского империализма в 1858 году он отмечает, что эта нация «отстаивала принцип морали» и «следовала этическим побуждениям» (неприятие торговли опиумом), тогда как «представитель самого современного общества борется за привилегию покупать на самых дешевых и продавать на самых дорогих рынках» [21].

У Маркса и Энгельса, без сомнения, можно найти самые разные «уничжительные замечания» по поводу некоторых наций; также верно, что их частная переписка содержит некоторые чудовищные выражения, например печально известный «еврейский негр» — характеристика Лассаля. Но не стоит полагать, будто из всего этого можно сделать «теорию», тем более зная, что великие «исторические нации» (Франция, Германия, Англия) также получили свою порцию «уничжительных замечаний».

Верно и то, что в некоторых работах Маркса 1840-х и 1850-х годов содержатся крайне негативные отзывы о южнославянских нациях, однако это не было органично связано с какой-либо «эволюционистской, экономистской и евроцентристской» философией. Скорее это особым образом вытекало из владевшего Марксом страха перед царистской контрреволюцией и панславизмом как орудием царской России. Когда, после 1870 года, в России начали обозначаться революционные перспективы, эта негативная оценка полностью исчезла из его работ.

Подход Энгельса к «неисторическим нациям» был совершенно иным. В его словаре этот термин обозначал нации, у которых «отсутствуют необходимые исторические, географические, политические и промышленные условия самостоятельности и жизнеспособности». Энгельс писал:

Народы, которые никогда не имели своей собственной истории, которые с момента достижения ими первой, самой низшей ступени цивилизации уже подпали под чужеземную власть или лишь при помощи чужеземного ярма были насильственно подняты на первую ступень цивилизации, нежизнеспособны и никогда не смогут обрести какую-либо самостоятельность. [22]

Энгельс имел в виду те нации, которые постоянно жили под политическим господством других стран и были по его мнению обречены на ассимиляцию — экономическую и социальную — более развитыми нациями. Энгельс продолжает:

Нет ни одной страны в Европе, где в каком-нибудь уголке нельзя было бы найти один или несколько обломков народов, остатков прежнего населения, оттесненных и покоренных нацией, которая позднее стала носительницей исторического развития. Эти остатки нации, безжалостно растоптанной, по выражению Гегеля, ходом истории, эти обломки народов становятся каждый раз фанатическими носителями контрреволюции и остаются таковыми до момента полного их уничтожения или полной утраты своих национальных особенностей, как и вообще уже самое их существование является протестом против великой исторической революции. [23]

Таковыми являются, согласно Энгельсу, гэлы в Шотландии, бретонцы, баски, евреи Восточной Европы, говорящие на идиш, и особенно южные славяне.

Согласно Энгельсу, в 1848 году крупные европейские нации были на стороне революции, тогда как славяне (за исключением поляков) были связаны с царизмом и стояли на стороне реакции. Энгельс не пытается постичь социальные причины той «вандейской» роли, которую играли эти национальные движения в 1848-м, он просто выводит ее из их якобы «контрреволюционной» природы. Но провал революций 1848-го был связан с конкретными причинами, не имевшими никакого отношения к «вандейской» природе южных славян. Этот крах был связан скорее с историческим контекстом эпохи, в которую европейская буржуазия уже утратила свой революционный потенциал, оказавшись неспособной решить главные вопросы, стоявшие на повестке дня: национальный и аграрный, а пролетариат еще не был готов к взятию власти. Иными словами, было слишком поздно для буржуазной революции и слишком рано для социалистической [24].

Теория Энгельса о народах «без истории» была раскритикована Романом Роздольским, показавшим ее внутреннее фундаментальное противоречие. Он видит реакционную роль славянских национальных движений периода восстаний 1848 года в свете внутренних противоречий восточноевропейской революции: некоторые нации, боровшиеся за свое освобождение, например Польша и Венгрия, подавляли другие народности и этнические меньшинства в собственных рядах. Передовую социальную силу движений в Польше и Венгрии составляли буржуа и мелкопоместное дворянство, противостоявшие другим «крестьянским нациям». Русины (украинцы) Галиции, например, не поддерживали поляков, требовавших независимости, поскольку уже отстаивали свою собственную зачаточную национальную идентичность, которая выражала их классовый конфликт с польскими помещиками. Сербь, хорваты, румыны, словаки и все остальные «крестьянские нации» Юго-Восточной Европы находились в таком же положении по отношению к немцам и венграм.

На самом деле, эти «неисторические нации» могли бы участвовать в революции, если бы добились от буржуазии и мелкопоместного дворянства земельной реформы. Но шовинистические и консервативные верхушки германских, польских и венгерских движений не пошли на это и толкнули крестьянские массы в лапы царистской контрреволюции.

Вместо того чтобы осмыслять — с помощью марксистской методологии — социальные корни панславистского движения, Энгельс набросал карту Европы, исходя из двух категорий: «революционные нации» и «народы без истории». Первые рассматриваются им как исторически жизнеспособные, вторые — как мертвые фрагменты прошлого. Эта позиция, отрицающая априори возможность пробуждения «народов без истории», абсолютно антидиалектична. Роздольский с помощью многочисленных цитат доказывает, что даже после 1848 года Энгельс сохранил свое представление о революции в Восточной и Центральной Европе как о преимущественно немецкой революции, имеющей тех же союзников (в первую очередь, поляков) и тех же врагов (царскую Россию и панславистское движение) [25].

Уже в конце XIX века, наблюдая зарождение социалистического движения в балканских странах, Каутский изобличил заблуждение Энгельса [26]. В 1907 году Отто Бауэр критиковал Энгельса, признавая социальное и культурное развитие различных славянских народов (то есть их способность адаптироваться к современности) [27]. В своей критике Роздольский приводит еще один аргумент: он объясняет, что во время кромвелевской революции ирландцы, национальные права которых справедливо защищали Маркс и Энгельс, играли не менее реакционную роль, нежели славяне в Австро-Венгрии в 1848 году. Тем не менее позже они организовали национальное антиимпериалистическое движение. Критикуя позицию Энгельса, изложенную в *Neue Rheinische Zeitung*, Роздольский предлагает марксистский анализ национального вопроса в связи с революцией 1848 года. Избегая того, что Нимни называет «парадигматической ловушкой» «исторических и неисторических наций», он приходит к совершенно четкому выводу: теория *Geschichtlosen Volker* есть ни что иное, как «осадок идеалистической концепции истории и потому является чужеродным телом в теоретической системе марксизма» [28]. Мы можем согласиться с доводом Нимни о том, что отношение Энгельса к южнославянским нациям включает в себе некоторые элементы позитивистского эволюционизма, экономического детерминизма и евроцентризма. Он несомненно усвоил некоторые культурные предрассудки Европы XIX века, но не следует обобщать: понятие «народа без истории» представляет только один аспект подхода Энгельса к национальному вопросу.

С конца XIX века и до сих пор марксистские идеи имеют широкое хождение среди этнических — экстерриториальных, не связанных с конкретной территорией — меньшинств и «неисторических наций» Восточной и Центральной Европы. Рабочее движение и социалистическая интеллигенция этих наций нашли в марксистской теории лучший интеллектуальный инструмент для анализа их собственной угнетенности, для постижения исторического процесса развития их культурной идентичности и, наконец, для выработки проекта как социального, так и национального освобождения. Понятие культуры-национальной автономии было создано сначала марксистскими течениями таких угнетенных наций, как славяне (Славянская федерация австрийской социал-демократии), евреями (Бунд) и армянами («специфисты»). Украинские (Роздольский), богемские (Шмераль), болгарские (Благоев), румынские (Добруджиану-Герееа), грузинские (Жордания), австро-славянские (Этбин) и русско-еврейские (Медем, Борохов) социалисты использовали марксизм для анализа разнообразных национальных реалий [29]. Теория «народов без истории» явилась перед ними в своей абсолютной ошибочности и ненужности, что, однако, не заставило их отвергнуть марксистский подход к национальному вопросу как таковой. В период между мировыми войнами теоретическим анализом национального вопроса наиболее эффективно занимались испанские марксисты — каталонец Андреас Нин и баски, братья Аренилла. [30] Если марксистская дискуссия по национальному вопросу развивалась после смерти Энгельса прежде всего среди социалистов этнических меньшинств и угнетенных наций, значит, классические марксистские труды по этой теме были несколько неполны и не исчерпали тему (в чем нет ни малейшего сомнения). Но это означает также, что марксистская теория оказалась необходимой для работы с национальной проблематикой.

Ключевая дихотомия

Итак, если понятие нации, выработанное Марксом и Энгельсом расплывчато и неполно, если энгельсовская теория «неисторических народов» отдаёт псевдоисторической метафизикой, чуждой марксизму, что же остается от их размышлений о национальной проблеме? Попробуем синтезировать классический марксистский подход.

В 1867 году, вернувшись к ирландскому вопросу, Маркс и Энгельс пришли к ключевому теоретическому основанию: к дихотомии угнетающей/угнетенной нации. В колониальном господстве над Ирландией они увидели не только источник угнетения ирландского народа, но также ключ к объяснению бессилия английского рабочего класса, самого многочисленного и самого организованного

в XIX столетии. Шовинизм и чувство национального превосходства английских рабочих по отношению к ирландцам подпитывались английской буржуазией, которая эксплуатировала этот антагонизм для поддержания своей власти в Ирландии и угнетения английского пролетариата. Маркс писал в 1870 году:

Все промышленные и торговые центры Англии обладают в настоящее время рабочим классом, который разделен на два враждебных лагеря: английский пролетариат и ирландский пролетариат. Обыкновенный английский рабочий ненавидит ирландского рабочего как конкурента, понижающего его уровень жизни. Он чувствует себя по отношению к нему представителем господствующей нации и именно потому делается орудием в руках своих аристократов и капиталистов против Ирландии, укрепляя этим их господство над самим собой... Этот антагонизм искусственно поддерживается и разжигается прессой, церковными проповедями, юмористическими журналами — короче говоря, всеми средствами, которыми располагают господствующие классы. В этом антагонизме заключается тайна бессилия английского рабочего класса, несмотря на его организованность. В нем же заключается тайна сохранения могущества капиталистического класса. Последний вполне это сознает. [31]

Маркс формулирует здесь два понятия, которые станут основой ленинской теории национального самоопределения: 1) нация, угнетающая другую нацию, не может быть свободной (Энгельс считал, что власть над другими людьми — «несчастье»); 2) освобождение угнетенной нации является предпосылкой для социалистической революции внутри самой господствующей нации.

Сегодня этот подход сохраняет свою ценность и значимость, он остается совершенно необходимым основанием для развития и теоретического обогащения марксизма. Этот методологический подход не несет в себе ни экономического детерминизма, ни евроцентризма, зато является незаменимым компасом для всех, кто верит в интернационализм. Мы не можем считать себя марксистами, если не поддерживаем право на самоопределение новокаледонских канаков во Франции, палестинцев в Израиле, косовских албанцев в Югославии, курдов в Иране, Ираке и Турции, и в особенности если не боремся против военной интервенции США в другие страны. Если Эфраим Нимни согласится — а надеемся, что он согласится — с этим выводом, он должен будет признать, что существует возможность критиковать подходы Маркса и Энгельса к национальному вопросу, не отвергая марксизм.

ГЛАВА 3. СПОРЫ МАРКСИСТОВ О САМООПРЕДЕЛЕНИИ

Национальный вопрос — одна из сфер, в которой Ленин колоссальным образом развил марксистскую теорию, разработав (на основе трудов Маркса, но выйдя далеко за их рамки) цельную революционную стратегию для рабочего движения, в основу которой было положено национальное самоопределение. Своей цельностью и реализмом ленинская доктрина далеко опередила позиции других марксистов того времени, даже близких к Ленину в этом вопросе Каутского и Сталина.

Позиция Каутского до 1914 года была близка к ленинской, но отличалась своей односторонней и почти исключительной сосредоточенностью на языке как основании нации, а также недостатком четкости и смелости в формулировании права наций на отделение. После 1914-го двусмысленные и противоречивые представления Каутского о правах наций в условиях войны были резко отвергнуты Лениным как «ханжеские» и «оппортунистические».

Движение «радикальных левых» (Linksradicale), представленное Розой Люксембург и Троцким (до 1917 года), характеризовалось в той или иной степени и порой в очень разных формах отрицанием национального сепаратизма во имя принципа пролетарского интернационализма. Более того, взгляды на национальный вопрос были одним из наиболее принципиальных расхождений между этим движением и Лениным, к которому в остальном оно было близко своим марксистским революционным подходом.

ЛЮКСЕМБУРГ

В 1893 году Роза Люксембург основала Социал-демократию Королевства Польского (СДКП) с марксистской интернационалистской программой в противоположность Польской социалистической партии (ППС), задачей которой была борьба за независимость Польши. Отвергая ППС (с некоторыми оговорками) как социал-демократическую партию, Люксембург и ее товарищи из СДКП решительно отвергали и лозунг независимости Польши, подчеркивая, напротив, тесную связь между русским и польским пролетариатом и их общую судьбу. По их словам, «Королевство Польское» (часть Польши, аннексированная царской империей) должно было двигаться не в сторону независимости, но в сторону территориальной автономии в рамках будущей Российской Демократической Республики.

В 1896 году Люксембург представляла СДКП на конгрессе Второго интернационала. Позиции, которые она отстаивала в своем выступлении, были выражены в статье «Польский вопрос на международном конгрессе в Лондоне» [1]: освобождение Польши так же утопично, как освобождение Чехословакии, Ирландии или Эльзас-Лотарингии. Политическая борьба, сплывающая пролетариат, не должна подменяться «рядом бесплодных национальных битв». Теоретический базис этой позиции Люксембург был подготовлен ее изысканиями для докторской диссертации — «Индустриальное развитие Польши» [2]. Ключевой тезис работы состоял в том, что с экономической точки зрения Польша уже интегрирована в Россию. Индустриальный рост Польши достигается благодаря росту российских рынков и, следовательно, польская экономика не может существовать отдельно от российской экономики. Независимости Польши желает местная феодальная знать; однако благодаря индустриальному развитию это желание оказалось несбыточным. Ни польская буржуазия, чье экономическое будущее зависит от российской экономики, ни польский пролетариат, чьи исторические интересы лежат в революционном альянсе с российским пролетариатом, не являются националистическими. Только мелкая буржуазия и докапиталистические слои все еще лелеют утопическую мечту об объединенной независимой Польше. В этом отношении Люксембург считала свою книгу польским аналогом ленинской работы «Развитие капитализма в России» [3], направленной против утопических и реакционных устремлений русских народников.

Наиболее противоречивое положение Люксембург относительно национального вопроса (которое Ленин критиковал в первую очередь) было выражено в серии статей 1908–1909 годов, опубликованных под заголовком «Национальный вопрос и автономия» в журнале

Социал-демократии Королевства Польского (ставшей Социал-демократией Королевства Польского и Литвы (СДКПиЛ) — после присоединения литовской группы). Главные — и самые спорные — идеи этих статей заключались в следующем: 1) право на самоопределение есть абстрактное и метафизическое право, так же как так называемое право на труд, отстаивавшееся утопистами XIX века, или смехотворное «право каждого человека есть из золотой тарелки», провозглашенное писателем Чернышевским; 2) поддержка права на самоопределение в сущности на руку буржуазному национализму: не существует нации как единой и однородной общности, у каждого класса внутри нации — свои интересы и «права»; 3) независимость маленьких наций в целом и Польши в частности есть утопия с экономической точки зрения и отрицается самими законами истории. Для Люксембург существовало только одно исключение из этого правила: балканские нации Османской империи (греки, сербы, болгары, армяне). Эти нации достигли более высокой степени экономического, социального и культурного развития, чем Турция, разлагающаяся империя, давящая на них мертвым весом.

Люксембург считала — в противоположность позиции Маркса по Крымской войне — что с 1896 года (с тех пор, как произошло греческое национальное восстание на острове Крит) турецкая империя нежизнеспособна, и ее распад на национальные государства необходим для исторического прогресса.

В поддержку своего мнения об отсутствии будущего у малых наций Люксембург использует статьи Энгельса о «неисторических нациях» (хотя она приписывала их Марксу: подлинное авторство этих статей было установлено в 1913 году, когда обнаружили неопубликованные письма Маркса и Энгельса). В частности она использовала статью о венгерском восстании, написанную в январе 1849 года: Люксембург цитировала пассаж об «остатках нации, безжалостно растоптанной, по выражению Гегеля, ходом истории» [4]. Она признавала ошибочность оценки Энгельсом южных славян, но верила в правильность метода и ценила его «трезвый реализм, чуждый всякой сентиментальности», так же как отрицание «метафизических прав наций» [5].

Как хорошо известно, в 1914 года Люксембург была одним из тех немногочисленных лидеров Второго интернационала, кто не поддавался гигантской волне социал-патриотизма, захлестнувшей Европу накануне войны. Заключенная в тюрьму германскими властями за интернационалистскую и антимилитаристскую пропаганду, в 1915 году она написала и переправила на волю «Брошюру Юниуса». В этом тексте Люксембург до некоторой степени принимает принцип самоопределения: «социализм дает всем народам право на независимость и свободу независимо распоряжаться своими судьбами» [6]. Однако для Люксембург это самоопределение не может быть реализовано

в рамках существующих капиталистических государств, тем более колониальных держав. Как можно говорить о «свободном выборе» по отношению к империалистическим странам наподобие Франции, Турции или царской России? В эпоху империализма борьба за «национальные интересы» — это мистификация не только по отношению к большим колониальным державам, но и к маленьким нациям, которые всего лишь «пешки на империалистической доске великих держав». [7].

Взгляды Люксембург на национальный вопрос, сформировавшиеся между 1893 и 1917 годами, базируются на четырех фундаментальных теоретических, методологических и политических ошибках:

1. Люксембург был свойственен, особенно до 1914 года, экономистский подход к проблеме: Польша экономически зависит от России, поэтому не может быть политически независимой — аргумент, в котором проигнорированы специфика и относительная уникальность каждой политической ситуации.

Этот подход, основанный на экономическом детерминизме, особенно удивляет в диссертации и ранних работах Люксембург по польскому вопросу: индустриальное развитие Польши, связанное с русским рынком, определено «с железной силой исторической необходимости» (помимо этого выражения Люксембург часто использовала еще одно: «с неизбежностью естественного закона») утопической природой польской независимости с одной стороны и единством польского и русского пролетариата с другой. Характерный пример такого прямого сведения политики к экономике можно обнаружить в статье 1902 года о социал-патриотизме, в которой подчеркивалась экономическая — «и, следовательно, «политическая — склонность Польши к союзу с Россией; фраза «и, следовательно» выражает отсутствие опосредования, которое не было продемонстрировано, а лишь объявлено само собой разумеющимся [8]. Впрочем, Люксембург постепенно отказывалась от такого рода аргументации, уходя все дальше от ловушки экономизма после 1914 года, когда она бросила призыв «Социализм или варварство!» («Брошюра Юниуса»), обозначивший фундаментальный методологический разрыв с фаталистическим kautскианским экономизмом. Ее взгляды в «Брошюре Юниуса» были по существу политическими и не основывались на каких-либо механистических предрассудках.

2. Люксембург считала нацию принципиально культурным феноменом. Это опять же чревато недооценкой политического измерения нации, которое не может быть просто уравнено с экономикой или идеологией, и конкретная форма которого — независимое государство-нация (или борьба за его образование). Вот почему Люксембург выступала

против национального угнетения и за «свободное культурное развитие», однако отказывала в поддержке как сепаратизму, так и праву на политическую независимость. Она не понимала, что отрицание права нации на формирование независимого национального государства есть не что иное как одна из ключевых форм национального угнетения.

3. Люксембург видела только анахронистические, мелкобуржуазные и реакционные аспекты национально-освободительных движений и не осознавала их революционного, антицаристского (а позже, в других обстоятельствах, антиимпериалистического и антиколониального) потенциала. Иными словами, она не понимала сложной, противоречивой и диалектической, двойной природы этих националистических движений. Что касается России, Люксембург в целом недооценивала революционную роль непролетарских союзников рабочего класса: крестьянства и угнетенных народностей. Она считала русскую революцию чисто пролетарской, Ленин же считал ее руководимой пролетариатом [9].

4. Люксембург не смогла понять, что национальное освобождение угнетенных наций было требованием не только «утопической», «реакционной» и «докапиталистической» мелкой буржуазии, но и требованием масс вообще, включая пролетариат; и что, таким образом, признание российским пролетариатом права наций на самоопределение было обязательным условием его солидарности с пролетариатом угнетенных наций.

В чем же причина этих ошибок, упущений и недостатков? Неверно полагать, что они были логически связаны с методом Люксембург (если только не брать во внимание экономизм 1914 года), или с ее политическими воззрениями вообще (например, по поводу партии, демократии и т.п.). Важно, что такой подход к национальному вопросу был свойственен не только Люксембург, а разделялся и другими лидерами СДКПил, даже такими как Дзержинский, который поддерживал большевизм. Скорее всего, эта односторонняя позиция была идеологическим продуктом постоянной, интенсивной и жестокой идеологической борьбы СДКПил и ППС [10].

Таким образом, расхождения между Лениным и Люксембург (по крайней мере в том, что касается Польши) во многом вытекали из расхождений в позициях российских интернационалистов (боровшихся с великорусским шовинизмом) и польских интернационалистов (боровшихся с польским социал-патриотизмом). Одно время Ленин словно бы признавал определенное «разделение труда» между русскими и польскими марксистами по этому вопросу. И все же, он критиковал Люксембург в первую очередь за то, что она склонна делать далеко идущие выводы из конкретной специфической ситуации (Польша в определенный

момент истории) и тем самым отказывает в независимости не только полякам, но и другим угнетенным народностям.

Впрочем, в одной статье Люксембург ставит проблему сходным с Лениным образом: речь идет о предисловии 1905 года к сборнику «Польский вопрос и социалистическое движение». В этой статье Люксембург тщательно разделила неотторжимое право каждой нации на независимость («проистекающее непосредственно из самых основных принципов социализма»), которое она признавала, и желательность этой независимости для Польши. Люксембург не считала, что Польше необходима независимость. Кроме того, это один из редких текстов, в которых Люксембург признает важность, глубину и даже обоснованность национальных чувств (хоть и относится к ним лишь как к «культурным феноменам»), а также подчеркивает, что национальное угнетение есть «самый невыносимый, варварский вид угнетения», которое способно вызвать лишь «разъяренный фанатический бунт» [11]. Эта работа вкупе с некоторыми фрагментами «Брошюры Юниуса» показывает: мысль Люксембург была слишком реалистичной в революционном смысле этого слова, чтобы приписывать ей линейную последовательность метафизического и косного характера.

ТРОЦКИЙ

Работы Троцкого по национальному вопросу до 1917 года можно определить как «эклектичные» (это слово использовал Ленин для его критики), занимающие половинчатую позицию между Люксембург и Лениным.

Особенно Троцкий заинтересовался национальным вопросом после войны 1914 года. Он рассматривает его в памфлете «Война и Интернационал» (1914), где ведет полемику против социал-патриотизма с двух разных — едва ли не противоречащих друг другу — позиций.

Историко-экономический подход

Мировая война стала следствием противоречий между производительными силами, стремящимися к общемировой экономике, и сдерживающими их рамками национального государства. Поэтому Троцкий провозгласил «разрушение национального государства как независимого экономического единства» — что со строго экономической точки зрения было абсолютно оправданно. Однако из этой предпосылки он вывел «распад» и «разрушение» национального государства вообще; национальное государство как таковое, само понятие нации продолжают

существовать в будущем лишь в качестве «культурного, идеологического и психологического феномена». Совершенно очевидно, что это необоснованный вывод. Конец экономической независимости национального государства ни в коем случае не синонимичен исчезновению национального государства как политического единства. Как и Люксембург, Троцкий был склонен сводить нацию либо к экономике, либо к культуре и тем самым терял из виду особый политический аспект проблемы: национальное государство как политический феномен, отличный от экономической или идеологической сфер (хотя и связанный с обеими опосредованно).

Смешанный политический подход

В отличие от Люксембург, Троцкий провозглашал право нации на самоопределение одним из условий «мира между народами», который он противопоставлял «миру между дипломатами». Он поддержал проект независимой и единой Польши (свободной от русского, австрийского и германского владычества), так же как и независимость Венгрии, Румынии, Болгарии, Сербии, Богемии и т.п. Именно в освобождении этих наций и их объединении в балканскую федерацию он видел наилучший заслон против царизма в Европе. Более того, Троцкий продемонстрировал диалектическую связь между пролетарским интернационализмом и национальными правами: разрушение Интернационала социал-патриотами было преступлением не только против социализма, но и против «национальных интересов в самом широком и подлинном смысле слова», поскольку пала единственная сила, способная реконструировать Европу на основе демократических принципов и права наций на самоопределение [12].

В статье 1915 года «Нация и хозяйство» [13] Троцкий пытается очертить национальный вопрос точнее, хотя и здесь он занимает двойственную позицию. Противоречивость аргументов указывает на то, что его мысль еще не до конца выкристаллизовалась. Он начал с критики социал-империалистов, оправдывавших свою политическую позицию необходимостью расширять рынки и развивать производительные силы. Эта полемика с методологической точки зрения словно бы отвергала экономизм: да, марксизм стоит за максимальную экспансию в экономической сфере, но не за счет разделения, дезорганизации и ослабления рабочего движения. Доводы Троцкого были несколько путанными в том, что касается рабочего движения как «важнейшей производительной силы современного общества»; тем не менее, он настаивал на первостепенной важности политических критериев. Однако в обеих статьях он возвращается к «централистическим потребностям хозяйственного развития», призывающим

к уничтожению национального государства как преграды на пути экспансии производительных сил. Как можно примирить эти «нужды» с правом нации на самоопределение, которое Троцкий также признавал? Он ушел от этой дилеммы при помощи теоретического сальто, снова приведшего его к экономизму: «Государство есть по существу экономическая организация, оно вынуждено будет приспособиться к потребностям хозяйственного развития».

Следовательно, национальное государство войдет в «Республиканские соединенные штаты Европы», тогда как нация, отделенная от экономики и освобожденная от старых рамок государства, будет иметь право на самоопределение... в сфере «культурного развития».

В 1917 году Троцкий отказался от этих «эклектичных позиций» и принял ленинскую концепцию национального вопроса, которую отстаивал в Брест-Литовске в качестве народного комиссара по внешней политике.

СТАЛИН

Позицию Сталина по национальному вопросу до 1917 года также нельзя целиком отождествлять с ленинской. Действительно, именно Ленин направил Сталина в Вену писать известную статью «Марксизм и национальный вопрос» [14], а в письме Максиму Горькому в феврале 1913 года Ленин упоминал о «чудесном грузине», который «засел и пишет большую статью» [15]. Вопреки широко распространенному мифу нет оснований считать, что Ленин воспринял статью с воодушевлением, ведь он не говорит о ней ни в одной из своих многочисленных работ по национальному вопросу, кроме краткого, мимолетного упоминания в статье от 28 декабря 1913 года. Действительно, основные идеи сталинской работы были общими идеями партии большевиков и Ленина. Однако предположение Троцкого о том, что работа была «внушена Лениным, написана под его ближайшим руководством и проредактирована им строка за строкой», кажется спорным [16]. Наоборот, по некоторым весьма важным пунктам работа Сталина явно и неявно расходится с работами Ленина, а то и противоречит им:

1. Понятия «национальный характер», «общий психический склад» нации никоим образом не ленинские. Эта проблематика — наследие Бауэра, которого Ленин открыто критиковал за «психологическую теорию» [17]. На самом деле, идея национальной психологии имеет больше общего с некоторым поверхностным и донаучным фольклором, чем с марксистским анализом национального вопроса.

2. Смело заявляя, что «достаточно отсутствия хотя бы одного из этих признаков (общности языка, территории, экономической жизни и психического склада), чтобы нация перестала быть нацией», Сталин придает своей теории догматический, ограничительный и косный характер, чего никогда не найти у Ленина. Согласно Сталину, Грузия до второй половины XIX века не была нацией, поскольку не имела «общей экономической жизни», разделенная на экономически независимые княжества. Если следовать этому критерию, придется признать, что Германия до Таможенной унии также не была единой нацией. Нигде у Ленина мы не найдем такого ультимативного, косного и произвольного «определения» нации.
3. Сталин открыто отказывается в возможности объединения или союза национальным группам, рассеянным внутри многонационального государства: «Спрашивается: возможно ли объединить такие обособившиеся друг от друга группы в единый национальный союз?.. Мыслимо ли “сплотить в одну нацию”, например, прибалтийских и закавказских немцев?» Ответ заключался в том, что все это «немыслимо», «невозможно» и «утопично» [18]. Ленин же, напротив, решительно отстаивал «свободы всяких союзов и в том числе союза любых общин любой национальности в данном государстве», приводя в качестве примера немцев на Кавказе, в Балтии и Петрограде. Он добавлял, что свобода объединений любого рода между членами наций, рассеянных в разных частях страны или даже мира, «бесспорна» и ее «можно оспаривать только с заскорузло-бюрократической точки зрения» [19].
4. Сталин не делал различия между великорусским царистским, угнетательским национализмом и национализмом угнетенных наций. В весьма красноречивом фрагменте статьи он на одном дыхании отвергает «воинственный и репрессивный» царский национализм «сверху» и «волну национализма снизу, переходящего порой в грубый шовинизм...» поляков, евреев, татар, грузин, украинцев и т.п. Он не только не усматривает никакого различия между национализмом «сверху» и «снизу», но строжайшим образом критикует социал-демократов угнетенных наций, которые оказались «не на высоте» перед лицом националистического движения.

Ленин же, напротив, не только считал разницу между национализмом угнетателей и национализмом угнетенных принципиальной, но всегда жесточайшим образом критиковал тех, кто капитулировал, сознательно или нет, перед великорусским национальным шовинизмом. Не случайно одним из главных объектов его критики были

марксисты — социал-демократы угнетенной нации, поляки, которые, «оказавшись на высоте» перед лицом польского национализма, в итоге пришли к отрицанию права Польши на отделение от Российской империи. Эта разница между Лениным и Сталиным была весьма существенна и изначально чревата жестоким конфликтом, который и произошел в декабре 1922 года по поводу национального вопроса в Грузии — он известен как «последняя битва» Ленина.

ЛЕНИН

Исходной точкой для Ленина при выработке стратегии по национальному вопросу был пролетарский интернационализм — так же как у Люксембург и Троцкого. Однако Ленин лучше своих товарищей по революционному левому движению понимал диалектические отношения между интернационализмом и правом на самоопределение. Он понимал, во-первых, что только свобода выбора делает возможным свободный и добровольный союз, объединение, сотрудничество и, в конце концов, смешение наций; во-вторых, что только признание рабочим движением, принадлежащим к нации-угнетателю, права угнетенной нации на самоопределение поможет победить враждебность и взаимную подозрительность обеих наций в интернациональной борьбе против буржуазии.

Сходным образом Ленин понимал диалектические отношения между национал-демократической борьбой и социалистической революцией, а также показал, что народные массы (не только пролетариат, но и крестьянство, и мелкая буржуазия) угнетенной нации являются союзниками сознательного пролетариата, задача которого — направлять борьбу этой «разношерстной и разноголосой, пестрой и внешне-раздробленной» массы, содержащей элементы мелкой буржуазии и отсталых рабочих со своими «предрассудками, своими реакционными фантазиями, своими слабостями и ошибками» [20]. Верно, однако, и то, что лишь после апреля 1917 года Ленин, приложив эту теорию к событиям в России, принял стратегию перманентной революции и начал воспринимать национально-освободительную борьбу угнетенных наций внутри Российской империи не только как демократическое движение, но и как союзника пролетариата в советской социалистической революции.

С методологической точки зрения принципиальное превосходство Ленина над большинством современников заключалось в его способности «поставить политику во главе», его упрямое, несгибаемое, непрерывное и неотступное стремление постичь и высветить политический аспект каждой проблемы и каждого противоречия. Эта тенденция вышла на первый план в его полемике с «экономистами» по вопросу

о партии в 1902–1903 годах; в его дискуссии с меньшевиками по вопросу о демократической революции в 1905 году, в оригинальных идеях его работ об империализме в 1916-м; во вдохновляющем повороте, обозначенном «Апрельскими тезисами». Она полностью определяет его самую важную работу «Государство и революция» и работы по национальному вопросу. Этот методологический аспект объясняет помимо прочего актуальность ленинских идей в XX веке, в эпоху империализма, когда политический уровень становится доминирующим (даже если он сам, в конечном счете, определяется экономикой).

В то время как другие марксистские авторы видели только экономическое, культурное и «психологическое» измерение проблемы, Ленин ясно заявлял, что «право на самоопределение есть одно из требований демократии, которое, естественно, должно быть подчинено общим интересам демократии» [21], то есть области права на политическое самоопределение и основание независимого национального государства. Ленин целиком осознал методологическую основу различий: «автономная» нация не равноправна с «державной» нацией; польские товарищи не могли бы не заметить этого, если бы не игнорировали опорно (точно наши старые «экономисты») анализа политических понятий и категорий» [22]. Благодаря пониманию относительной автономии политического процесса, Ленин оказался способен избежать как субъективизма, так и экономизма в своем анализе национального вопроса [23].

Нет смысла лишний раз подчеркивать, что политический аспект национального вопроса для Ленина был вовсе не тем, чем он является для канцелярий, дипломатов и армий. Ленина совершенно не волновало, имеет ли та или иная нация независимое государство, и где проходят границы между двумя государствами. Его целью были демократия и интернационалистское единство пролетариата. И то и другое требует права наций на самоопределение. И именно в силу того, что ленинская теория самоопределения основывается на политическом факторе, она не идет на компромисс с национализмом и сосредоточена исключительно в сфере демократической борьбы и пролетарской революции.

Правда, в глазах Ленина эти две задачи не равнозначны. Демократические требования подчинены интересам революционной борьбы мирового пролетариата. Например, согласно Ленину, если республиканское движение оказывается в конкретном случае инструментом реакции (как в Камбодже в 1971 году), то марксисты не должны поддерживать его. Это не означает, что рабочее движение должно отказаться от республиканизма.

То же самое касается (с некоторыми оговорками) и самоопределения. Бывают исключения, но общее правило таково: нация должна иметь право на самоопределение. На самом деле, ленинское представление о том, что признание права на самоопределение совершенно необходимо для создания условий интернационалистского единства рабочих, внутренне подразумевает, что никаких исключений быть не может: не может быть противоречий между интересами пролетариата и демократическими правами наций.

Вывод: урок истории

Некоторые из марксистских разногласий по тем или иным аспектам национального вопроса были разрешены историей. Многонациональное государство Австро-Венгрия распалось на несколько наций-государств после Первой мировой войны. Баски, «реакционный народ», согласно Энгельсу, в результате падения режима Франко радикализировались сильнее, нежели какой-либо другой народ Испании. Воссоединение Польши, которое Люксембург считала мелкобуржуазной утопией, стало реальностью в 1918 году. «Неисторическая» чешская нация, обреченная на исчезновение из-за недостатка «национальной жизнеспособности» (согласно Энгельсу), стала доминирующей нацией в Чехословакии после 1918 года и сегодня является отдельным государством.

Исторический опыт после 1917 года также показывает нам, что нация это не просто набор абстрактных внешних критериев. Не менее важен субъективный элемент, сознание национальной идентичности и национальное политическое движение. Совершенно ясно, что эти субъективные факторы не падают с небес; они связаны с определенными историческими обстоятельствами — опытом преследования, подавления и т.п. Но это означает, что самоопределение должно иметь более широкое применение, быть связанным не только с преемственностью, но с «национальным единством» как таковым. Формирует ли сообщество нацию — это должен решать не «эксперт»-доктринер, вооруженный списком «объективных критериев» (сталинского типа), а само сообщество [24].

С другой стороны, еще с Вудро Вильсона национализм великих держав пополнил идеологический арсенал, присвоив лозунги демократии, равенства наций и права на самоопределение. Эти принципы сегодня повсеместно провозглашаются буржуазными политиками. Линдон Джонсон, в бытность президентом Соединенных Штатов, торжественно провозгласил в 1966 году: «Мы боремся за принцип самоопределения, чтобы народ Южного Вьетнама мог свободно выбирать свое будущее» [25]. В XIX веке Генрих Трейчке (1834–1896, немецкий

историк и публицист, один из главных представителей так называемой малогерманской школы в буржуазной историографии, член Германской АН. — Прим. ред.) написал с связи с восстанием в Африке: «Форменная нелепость — применять нормальные принципы войны к дикарям. Нужно сжигать деревни негров, так как это единственное подходящее средство для борьбы с ними» [26]. И как разительно, буквально до неузнаваемости изменилась политика больших держав по отношению к маленьким нациям!

Настоящей угрозой политической жизнеспособности рабочего движения является сегодня отнюдь не детская болезнь левизны, проявлявшаяся в ошибках Люксембург. Ведь крайняя левизна в национальном вопросе практически не дожила до нашего времени. Только у отдельных революционных левых можно услышать сегодня отзвуки тезисов Люксембург в виде абстрактного противопоставления национально-освободительных движений «единству рабочего класса» и интернационализму. То же самое относится к теории Энгельса о «реакционных нациях».

Если же посмотреть на некоторые национальные проблемы настоящего, комплексные проблемы, в которых совмещаются и переплетаются друг с другом национальные, колониальные, религиозные и этнические аспекты — например, арабо-израильский конфликт или борьба между католиками и протестантами в Северной Ирландии, — можно заметить, что для революционных левых существует два противоположных искушения. Одни склонны отрицать национальное движение палестинцев или католиков в Ульстере, клеймить эти движения как «мелкобуржуазные», раскалывающие рабочий класс, и выдвигать против них абстрактный принцип единства пролетариев всех национальностей, рас и религий. Другие некритически воспринимают националистическую идеологию этих движений и обличают господствующие нации (евреев Израиля или протестантов Северной Ирландии) без разделения на классы как «реакционные» — нации, которым следует отказать в праве на самоопределение.

Задача, стоящая перед революционными марксистами, — избежать этих двух рифов и предложить путем конкретного анализа каждой отдельной ситуации подлинно интернационалистский подход, отсылающий к национальной политике Коминтерна под руководством Ленина и Троцкого (1919–1923), а также к известной резолюции конгресса Второго интернационала 1896 года, уникальность которого состояла в том, что он был поддержан как Лениным, так и Люксембург:

Конгресс объявляет, что он стоит за полное право самоопределения (Selbstbestimmungsrecht) всех наций и выражает свое сочувствие рабочим всякой страны, страдающей в настоящее время под игом военного,

национального или другого абсолютизма; конгресс призывает рабочих всех этих стран вступать в ряды сознательных (Klassenbewusste — сознающих интересы своего класса) рабочих всего мира, чтобы вместе с ними бороться за преодоление международного капитализма и за осуществление целей международной социал-демократии.

ГЛАВА 4. НАЦИЯ КАК ОБЩНОСТЬ СУДЬБЫ: ОТТО БАУЭР СЕГОДНЯ

Хотя марксисты порой недооценивали важность национальных проблем, тем не менее в марксистских трудах можно найти чрезвычайно важные для этой темы наработки. Особенно это касается классического труда Отто Бауэра «Национальный вопрос и австрийская социал-демократия».

Впервые опубликованная в 1907 году, эта книга оказалась в особом историческом и политическом контексте: австро-марксистское течение, представленное австрийской социал-демократической партией, пыталось в этот момент спасти мультинациональную систему австро-венгерского государства посредством реформы, которая предоставила бы всем ее национальностям (венграм, немцам, чехам, словакам, хорватам и т.п.) «национально-культурную автономию». Предполагалось, что для этого каждая национальная общность должна получить возможность организовываться в качестве легитимного публичного сообщества с определенными культурными, административными и юридическими полномочиями [1].

Как мы знаем, эта программа была обречена на провал. Последовавшее поражение империи и революция 1918 года привели к расколу австро-венгерского многонационального государства на несколько независимых государств. Уже в начале 1918 года Бауэр отметил, что в период подъема национальных настроений эта программа неосуществима. В программе левых, над которой тогда работал Бауэр, предлагалось признание права народов на самоопределение (и, следовательно, на создание независимых государств). Это означало (сегодня можем с полным правом ставить вопрос так, учитывая, что сепаратистские или экспансионистские движения, жаждущие «национальной однородности», растут как на дрожжах), что ни региональная, ни культурная автономия (в составе многонациональных федераций, основанных

на добровольном членстве) зачастую не являются наиболее разумным и гуманным решением. Демократическое право на самоопределение совершенно необходимо, но как реализовывать его, избегая столкновений, погромов и «этнических чисток» на территориях, где народы смешаны друг с другом?

Как бы то ни было, важность книги Бауэра выходит за рамки той конкретной политической стратегии, с помощью которой он предлагает решать сложные национальные проблемы Центральной Европы. Важность его книги — прежде всего в оригинальных идеях и трезвом анализе, которые помогают постичь феномен национальности, не упуская из виду его социоисторической природы.

Это не означает, что бауэровский анализ лишен слабых мест и ограниченности, типичных для его эпохи и среды. Как напоминает нам Клоди Вайль в предисловии к французскому переводу книги Бауэра, он жил в одной интеллектуальной вселенной с другими марксистами Второго интернационала. Чтобы оппонировать метафизическим теориям нации, он счел полезным обратиться к Дарвину и принципам естественного отбора. Также и в своем видении будущего наций он не был свободен от «прогрессистских иллюзий» [2]. Это особенно очевидно в заметках Бауэра о еврейской нации, которой он предрекал скорую ассимиляцию, — как и многие другие марксисты (в первую очередь евреи), что, впрочем, не помешало еврейским социалистам Бунда взять на вооружение бауэровский анализ и его программу национально-культурной автономии [3]. Можно сказать, Бауэр не до конца предвидел те опасности, которыми чреват подъем национализма. Но кто на заре XX века мог предвидеть мировые войны и бесчисленные геноциды во имя «нации» (и/или «расы»), сделавшие это столетие одним из самых страшных в истории человечества?

Несмотря на недостатки подобного рода, а также довольно сомнительное понятие национального характера, преобладавшего в теоретическом арсенале Бауэра, его труд остается памятником критической мысли и гуманистического рационализма. Определяя нацию как «общность исторической судьбы», как «вечно незавершенный продукт бесконечного процесса» [4], он занимает позицию, непримиримую с национал-консерватизмом, реакционными мифами о «вечной нации» и расистской идеологией.

Отвергая «фетишизацию национального характера» — доктрину, толкующую национальную реальность как незыблемую, постоянную сущность, — Бауэр воспринимал нации как открытые исторические реальности:

Не бывает момента, когда история нации завершена. Воздействуя на эту материю, являющуюся, вероятно, ничем иным, как воплощением пережитой судьбы, события постоянно изменяют ее... В этом процессе национальный характер также теряет свое якобы субстанциональное, вещественное основание — иллюзорную неизбежность в хаосе событий... Находясь внутри универсального потока, он является не стабильным бытием, а непрерывным процессом становления и исчезновения. [5]

Благодаря своему диалектическому методу Бауэр вскрывает противоречия метафизических представлений о нации: с одной стороны, противоречия теории, называемой им «национальным материализмом», согласно которой основой нацией является некая наследственная и неизменная расовая сущность (Жозеф Артур де Гобино), с другой — противоречия теории «национального духа», объясняющей поведение представителей определенной нации неким таинственным «народным духом» (например, склонность «Кона, Мейера, Леви и им подобных к абстракции» есть якобы выражение «духа еврейского народа») [6].

Это историцистское положение (в лукачевском или грамшианском смысле) обеспечивает книге Бауэра подлинное методологическое превосходство по отношению к другим марксистам его времени, в чьих работах по национальному вопросу преобладают экономизм, абстракции или косность — как, например, в четырехчастном определении Сталина из его известной статьи — определении, ставшем серьезным препятствием для конкретного мышления.

Бауэровский метод подразумевает, наряду с историческим объяснением существующих национальных очертаний, еще и понимание нации как процесса, как постоянного движения, что позволяет преодолеть ошибку Энгельса 1848–1850 годов. Тот факт, что нация (например, чешская) «не имеет истории» (в качестве независимого государства), не обязательно означает, что она не имеет будущего. Развитие капитализма в Центральной Европе и на Балканах привело не к растворению, а к пробуждению этих якобы «неисторических» наций. (Как ни странно, Бауэр не применил свой анализ к еврейской нации.)

Что же такое нация? В десятой главе Бауэр без обиняков предлагает «исчерпывающее определение». «Нация — это вся совокупность людей, связанных в общность характера на почве общности судьбы» [7]. Попробуем поближе рассмотреть понятие «общность судьбы» (Schicksalsgemeinschaft), занимающее центральное место в его теории. Жорж Опп верно отмечает, что методологические источники Бауэра привели его к совмещению неокантианских категорий с категориями исторического материализма: «Он заимствует у неокантианства принцип национальной индивидуальности, включающей и исторически

сложившуюся непрерывность нации. Он обращается к марксизму с тем, чтобы определить в понятиях класса, производительных сил и производственных отношений содержание, природу и социальные силы, участвующие в изменениях» [8].

Еще важнее то, что неокантианство пришло в бауэровский инструментарий через немецкую социологию, прежде всего, через Фердинанда Тенниса, известная работа которого «Общность и общество» (*Gemeinschaft und Gesellschaft*, 1887) является непосредственным источником бауэровского понятия общности судьбы.

Для Тенниса общность основана на «сущностной воле» (*Wesenswille*), тогда как общество структурируется «избирательной волей» (*Kurwille*). В то время как *Gemeinschaft* (семья, клан, деревня) управляется обычаями, нравами и обрядами, отношениями взаимопомощи и взаимного доверия и объединено общей *Kultur* (религией, искусством, моралью), *Gesellschaft* (город, завод, страна) основан на расчете, корысти, прибыли, контракте и конкуренции в контексте необратимого развития *Zivilisation* (технического, научного и промышленного прогресса).

В примечаниях Бауэр признается, насколько многим обязан «великолепной работе» Тенниса, но дает несколько иное определение двум понятием немецкой социологии.

Общество, в моем понимании, основано на сотрудничестве в условиях внешнего управления; общность же... результат бесчисленных взаимодействий индивидов, составляющих группу и проявляющих в индивидуальных характерах характер коллективный. [9]

«Общность судьбы» Бауэра, таким образом, совпадает с «общностью» Тенниса в том, что касается идеи исторического организма и внутреннего культурного единства, укорененного в общем проживании.

Попытки свести основания нации исключительно к языку (например, у Каутского) основаны, по мнению Бауэра, на поверхностном восприятии национальных реалий, растворяющем общность в обществе: «Представление о том, что национальные различия есть всего лишь различия языковые, следует из индивидуалистически-атомистического представления об обществе, которое есть не более чем набор индивидуумов, связанных внешним фактором, например, языком» [10].

Сходным образом Бауэр отвергает любого рода фетишизацию территории: какой бы ни была географическая дистанция между индивидуумами, они могут принадлежать к одной нации, если связаны общей культурой, — это касается, например, иммигрантов, которые проживают в новой стране, но остаются привязанными к своей оригинальной

культуре. Лишь в случаях, когда общая почва является предпосылкой общей культуры, она является одновременно и предпосылкой нации [11].

По причине отрицания четких критериев и жестких определений Бауэр в области марксистской национальной теории является анти-Сталиным *par excellence*. Его понятие нации как общей судьбы позволяет нам принимать национальную идентичность сообществ, которые, из-за отсутствия у них общей территории и определенного языка, не отвечают абстрактным определениям и классификациям: например, евреи или афроамериканцы. Коллективная память о преследованиях, изгнании и погромах создает общность национальной судьбы и тем самым определяет формирование этой идентичности.

Чего, возможно, не хватает в бауэровской теории нации, так это ясного понятия о роли воображения в формировании общности национальной судьбы. Если нации — это в большой степени воображаемые сообщества (Бенедикт Андерсон) или культурные образования (Эрик Хобсбаум) [12], значит, субъективное измерение национальной идентичности, воображаемое восстановление прошлого, постоянное перетолковывание собственной истории суть составляющие элементы общности национальной судьбы, такие же, как и «объективные» исторические события.

Будучи тонким и плюралистическим аналитиком национальных материй, Бауэр тем не менее враждебен национализму, для которого он использует термин «национальная валоризация» («мы считаем предмет хорошим, только потому что он немецкий, независимо от прочих его свойств»). Бауэр видит в национализме орудие правящего класса и класса собственников, используемое для узаконивания существующего порядка. Этой идеологии он противопоставляет так называемое рационалистическое определение, применимое к высоким помыслам и идеалам, которые вынашивались в немецкой культуре мыслителями, отвергавшими национализм: Гердером, Лессингом, Гейне. В глазах Бауэра рабочее движение должно одновременно решать главную национальную задачу (присвоение народом национальной культуры, которая до сих пор удерживалась элитой) и вдохновляться «рационалистическим определением» в его теоретической и практической полноте. Он также выступал за «культурное скрещивание», приводя в качестве примера мысль Маркса, которая соединила в себе историю четырех наций: еврейской, немецкой, английской и французской [13].

Коротко говоря, Бауэр, хотя и верил в необходимость национальных различий среди социалистических движений и говорил о необходимости укоренения социалистической культуры в особой культуре каждой

страны, но в конечном счете оставался интернационалистом. «Международный социализм», писал он в 1924 году в предисловии к новому изданию своей книги, «должен постигать эти национальные различия посредством методов борьбы и идеологии в своих рядах как результат внешнего и внутреннего роста». Он делает следующее заключение: «Долг Интернационала может и должен состоять не в сглаживании национальных особенностей, а в развитии международного единства в национальном разнообразии» [14].

В эпоху национализма, расизма, ксенофобии и «этнических чисток» стоит обратиться к мыслителю, признававшему ключевую роль и важность наций и национальных культур, но отвергавшему их мистифицированные искажения. Для нас ценен сегодня гуманистический дух Бауэра, сделавший его достойным наследником рационализма Гердера, Лессинга, Гейне и Маркса.

ГЛАВА 5. НАЦИОНАЛИЗМ И ИНТЕРНАЦИОНАЛИЗМ

Через 200 лет после призыва к всемирному всечеловеческому братству, брошенного Великой французской революцией, и через 80 лет после основания Коммунистического интернационала, что остается от великой мечты об интернациональной солидарности угнетенных? Неужели национализм всегда был главной движущей силой мировой политики? И как должны относиться к этому социалисты?

Противоречивая роль национализма — один из величайших парадоксов истории XX века. Служа государству и силам реакции, идеология национализма породила и узаконила некоторые из самых чудовищных преступлений века: две мировых войны, геноцид армян, евреев и цыган, колониальные войны, подъем фашизма и военных диктатур, жестокое подавление прогрессивных, в том числе революционных движений — от Китая в 1920-е до Индонезии в 1960-е и Аргентины в 1970-е годы.

С другой стороны, во имя национального освобождения добивались независимости колонизированные народы, а некоторые из самых важных и радикальных революционных социалистических движений оказались способны добиться народной поддержки и триумфа — в Югославии, в Китае, на Кубе, в Никарагуа.

Другой озадачивающий парадокс: хотя национализм во многом определял политические очертания XX века, величайшая революция нашего времени — Октябрь 1917 года — не была ничем обязана национализму и очевидным образом была направлена против «защиты отечества» в войне против Германской империи. Более того, история рабочего и социалистического движения XX века не знает массовой международной организации, настолько приверженной интернационализму, как Третий интернационал (по крайней мере, в первые годы).

Как мы должны понимать эти парадоксы? Может ли марксизм дать нам теоретический инструментарий для их понимания? Правда ли, что рабочие и эксплуатируемые не имеют отечества, как полагал Маркс в 1848 году? Может ли «Мать-Земля» стать горизонтом социального освобождения? И каковы перспективы национализма и интернационализма в XXI веке?

Любая попытка ответить на эти вопросы должна начинаться с диалектического подхода к проблеме: национальный вопрос противоречив, и его противоречия не есть выражение неких вечных свойств человеческой природы, а есть выражение конкретных исторических условий.

Важно строго различать чувство национальной идентичности, приверженность национальной культуре, ощущение принадлежности к национальному сообществу, к собственной истории — и национализм. Национализм в качестве идеологии включает в себе все вышеперечисленные элементы, а также еще один, ключевой: представление о нации как о первостепенной, фундаментальной и самой важной социальной и политической ценности, которой — в том или ином виде — подчинены все остальные. Ганс Кон, известный историк современного национализма, определил это как «состояние ума, при котором индивид ощущает свою высшую преданность национальному государству» [1]. Это вполне адекватное определение — если включить в него также борьбу за образование национального государства, — даже если мы признаем, что существуют некоторые (умеренные) националистические движения, борющиеся только за культурную или территориальную автономию.

Непросто выяснить, как и когда появился национализм. Некоторые авторы относят его начало к образованию национального государства в современном виде, то есть к XV–XVI векам (Макиавелли). Другие, например Кон, возводят национализм к первым великим буржуазным революциям: в XVII веке в Англии и в 1789 году во Франции государство «перестало быть королевским государством: оно стало государством народным, национальным государством, отечеством» [2]. Не так давно Том Нэйрн стремился доказать, что национализм возник в XIX веке (как результат неравномерного развития капитализма) в периферийных странах (Германия, Италия, Япония) и только потом достиг «государств центра» (Англии и Франции) [3], но эта странная хронология достаточно произвольна и, судя по всему, игнорирует такие известные исторические факты, как патриотическое измерение французской революции и наполеоновских войн. В любом случае, нет сомнения, что для многих стран политическим идеалом было не национальное государство, а другие формы социальной и политической организации: клан, город-государство,

феодалный сеньор, церковь, династическое королевство и многонациональная империя. И хотя в прошлом можно найти некоторые прецеденты (древние евреи или древние греки), их природа и сущность весьма отличны от современного национализма.

Марксистский социализм фундаментально противоположен национализму. Прежде всего потому, что марксизм отказывается видеть нацию как единое целое: все нации разделяются на разные социальные классы, с разными интересами и разными представлениями о национальной идентичности. Но марксизм отрицает националистическую идеологию и ее систему ценностей в первую очередь потому, что привержен не какой-либо нации, а интернациональному историческому субъекту (пролетариату) и интернациональной исторической задаче: социалистической трансформации мира. Это интернационализм как этического, так и материалистического характера.

Этический момент важен: для марксистского миропонимания, материалистического и атеистического, единственная ценность, которую можно считать «священной», абсолютной,— это человеческое начало как таковое (а эксплуатируемые и угнетенные являются его освободительной силой). В этом смысле лозунг «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» есть не только практический призыв к действию, но также этический ответ социалистов на «священную любовь к своей стране», присущую националистической идеологии.

Таким образом, социализм является интернационалистским движением благодаря универалистскому и гуманистическому характеру его ценностей и задач. Без этого этического измерения невозможно понять безоговорочную преданность и самопожертвование многих поколений активистов рабочего движения различных стран интернациональному социализму (или коммунизму). Как писал старый большевик Адольф Иоффе в своем последнем (перед самоубийством) письме Троцкому в 1927 году: «Человеческая жизнь лишь постольку и до тех пор имеет смысл, поскольку и до какого момента она является служением бесконечному, которым для нас является человечество».

Однако если бы интернационализм являлся всего лишь моральным принципом, категорическим императивом, его было бы легко отвергнуть как красивую утопию. Если этого не происходит, то потому, что пролетарский интернационализм черпает политическую силу в объективных конкретных материальных условиях, проанализированных Марксом еще в «Манифесте»: унификация, объединение мира капиталистической системой.

Как любая диалектическая тотальность, мировой капитализм — не есть сумма частей (национальных экономик); так же, как интернациональная классовая борьба не есть сумма внутринациональных противостояний. Последние представляют собой органичное целое со своими собственными формами развития, отличными от особенностей составляющих ее элементов. Георг Лукач писал в «Истории и классовом сознании», что категория тотальности на методологическом уровне содержала в себе революционный принцип. С диалектической точки зрения тотальности никакая местная или национальная ситуация не может быть объяснена в теории или изменена на практике, если не принимаются во внимание ее связи с целым: с мировой экономикой, с социальным и политическим развитием.

Анализ Маркса в «Манифесте» ничуть не устарел, наоборот, он гораздо более соответствует нашему времени, чем 1848 году. Империализм стал причиной значительно большего объединения мировой экономики, контроль рынка мультинациональными монополиями несравненно увеличился, в общем, унификация планеты капиталистическим способом производства достигла сегодня качественно более высокого уровня, чем в 1848 году. И это экономическое единство имеет также политическое и военное выражение в западном атлантизме, в интервенционализме США и т.п. Это означает, что интернационализм уходит корнями в структуру мировой экономики и мировой политики. Социалистический интернационализм есть также осознание этой объективной реальности.

Каков решающий фактор классовой борьбы: национальные или интернациональные условия? Нужно ли придавать первостепенную важность мировому процессу или, как писал когда-то Мао, внутренним факторам и национальным (эндогенным) причинам? Вопрос, поставленный таким образом, сам по себе вводит в заблуждение. Он предполагает абстрактное, метафизическое и статичное разделение между национальным и интернациональным, «внешним» и «внутренним». Диалектическая точка зрения основана на понимании противоречивого единства между национальной экономикой и мировым рынком, национальной и интернациональной классовой борьбой — единства, которое очевидно уже из того факта, что национальная специфика (экономическая и социальная) есть продукт неравномерного развития международного капитализма.

В «Манифесте» и других работах Маркса ошибочна идея о том, что современный капитализм есть по существу гомогенизирующая сила, создающая идентичные условия жизни и борьбы для эксплуатируемых всех стран. Его слова 1845 года о том, что «национальность рабочего — не французская, не английская, не немецкая, его национальность — это труд, свободное рабство, самораспродажа» [4], во многом справедливы;

но в них не учитывается не только культурная специфика каждой нации (которую капитализм вовсе не отменяет), но и социоэкономические различия между пролетариями разных наций, связанные с неравномерным и комбинированным развитием мировой капиталистической системы. Более того, невозможно отрицать значение национальных особенностей для «формирования рабочего класса» в каждой стране и для развития каждой отдельной национальной традиции антикапиталистического сопротивления и борьбы.

Иными словами, хотя капитализмом создается — как в индустриальных монополиях, так и в подчиненных странах — современный пролетариат, который борется против одного и того же врага и имеет одни и те же объективные исторические интересы, это вовсе не означает, что материальные и социальные условия его жизни одинаковы. По словам Троцкого, «если мы возьмем Британию и Индию как полярные разновидности капиталистического типа, то вынуждены будем сказать, что интернационалистический характер британского и индийского пролетариата основан вовсе не на сходстве условий, задач и методов, а на их взаимозависимости...» [5]. Мировой капитализм создает невероятное неравенство, колоссальную разницу в жизненных условиях между центром и периферией системы: только совместная, взаимодополняющая борьба в разных странах может породить интернациональную солидарность. Так, антивоенные движения во Франции 1950-х и в США 1960–1970-х годах были мощным вкладом в борьбу алжирцев и жителей Индокитая — и наоборот: борьба в колониях помогла разжечь радикальное сопротивление в метрополиях.

Суммируем: интернационализм не есть выражение сродства жизненных условий эксплуатируемых и угнетенных в разных странах, а выражение диалектической связи и взаимодополнительности как минимум трех видов борьбы — рабочего движения в развитых капиталистических обществах; движений за социальное и национальное освобождение в зависимых (или колониальных) странах; движений за демократию и против рыночных «реформ» в странах бывшего Восточного блока.

Множество корней национализма

Марксисты часто недооценивали важность национального вопроса, решающее значение национального освобождения для угнетенных народов. Причина этого — в стандартном пренебрежении, отрицании или, по крайней мере, недостаточном внимании к неклассовым формам угнетения: национальному, расовому или половому. Это происходит не потому, что марксизм как таковой не способен заниматься этими

сферами, но из-за экономистского подхода, доминировавшего в марксистской мысли (и в некоторых работах самого Маркса).

Марксисты также часто недооценивали силу национализма. Особое сочетание экономизма и иллюзии линейного прогресса (унаследованной от Просвещения) привело к ложной уверенности в неизбежном и скором крахе национализма. Особенно это касается Второго интернационала, представители которого были убеждены, что национализм принадлежит прошлому, и Каутского, мечтавшего о будущем, в котором не будет наций и все будут говорить на одном языке: «Нации безболезненным путем смешаются друг с другом, более или менее по подобию ретороманцев, живущих в швейцарском кантоне Гризонс, которые постепенно, без сопротивления, германизируются, осознавая, что выгоднее говорить на языке, распространенном на большой территории, чем на языке нескольких долин...» [6]. Естественно, с такими представлениями марксисты были плохо подготовлены к противостоянию колоссальному подъему национализма после августа 1914 года, который притянул к себе рабочее движение и привел к «священному единству для защиты Отечества» — и к уничтожению рабочих рабочими по всему миру.

Сам Каутский скатился до «национальной защиты Германской империи», заявив, что «социалистический интернационал — инструмент, подходящий только для мирного времени, во время войны его нужно аккуратно отложить в сторону».

Таким образом, первое условие эффективной борьбы с национализмом — это прощание с иллюзией линейного прогресса, то есть с наивным ожиданием мирной эволюции и постепенного «отмирания» национализма и национальных войн благодаря модернизации и демократизации индустриальных обществ, интернационализации производительных сил и т. п.

Как можно объяснить невероятную силу национализма в истории XX века? Первым ответом будет классический марксистский тезис: национализм есть буржуазная идеология, и его власть над массами — это одна из главных форм идеологического доминирования буржуазии в капиталистических обществах. Этот анализ верен, но недостаточен для объяснения притягательной силы национализма. Нужно учитывать и другие причины.

Во-первых, существуют конкретные материальные и экономические условия: конкуренция среди рабочих разных национальностей (или государств), происходящая из самой природы капитализма. Это вопрос кратковременных интересов — например, предотвращение ввоза товаров из-за рубежа, грозящего безработицей, — но текущая значимость этих интересов может скрыть от конкурирующих рабочих их общий

исторический интерес, состоящий в отмене эксплуатации. Бывает, что это происходит и внутри одной нации, когда безработные добровольно заменяют бастующих. Сам Маркс признавал в «Манифесте», что конкуренция среди рабочих постоянно угрожает дроблением и разрушением их общей организации.

Во-вторых, существуют иррационалистические тенденции, схожие в шовинистическом национализме, религиозном фанатизме, расизме и фашизме,— это психологический феномен, который, несмотря на его запутанность, необходимо анализировать. Книги Вильгельма Райха о массовой психологии фашизма, Эриха Фромма о «бегстве от свободы» и Теодора Адорно об авторитарной личности — важнейшие работы на эту тему. Национализм — иррационалистическая идеология: она не может доказать преимущество одной нации перед другой какими-либо рациональными аргументами,— поскольку независимая (то есть не чисто инструментальная) рациональность стремится к универсализму. Поэтому национализм вынужден обращаться к нерациональным мифам: «божественной миссии» той или иной нации, вечному превосходству того или иного народа, праву занимать более крупные географические Lebensraum («жизненные пространства») и т.п. Однако национализм может использовать также псевдо-рациональные и псевдонаучные формы легитимации, например геополитику или расовую антропологию. Национализм часто бывает не связан ни с каким глубоким историческим единством, являясь лишь официальной идеологией более или менее искусственных государственных образований, границы которых — случайное следствие колонизации и/или деколонизации (например, в Африке или Латинской Америке).

Но есть и другая причина подъема национализма, к которой марксисты и социалисты должны относиться очень серьезно,— это освободительная борьба угнетенных или колонизированных наций. Хотя марксизм сам по себе противостоит националистической идеологии, он должен различать национализм угнетателей и национализм угнетенных. Он должен поддерживать любую борьбу за национальное освобождение или за право угнетенной нации на самоопределение, даже если их идеологии (или идеологии их лидеров) свойственен национализм. Конечно, марксисты-интернационалисты, участвующие в национально-освободительной борьбе, должны сохранять независимость и пытаться убедить эксплуатируемые народные массы в необходимости вести борьбу (в перманентной форме), отказаться от национальной повестки дня в пользу революционной социалистической трансформации общества. Но нельзя недооценивать требование национального самоопределения тем или иным народом.

Дело не только в том, что социалистам враждебны все формы угнетения (национальные, расовые, половые или классовые), но и в том, что существует диалектическая связь между интернационализмом и национальными правами. Социалистический интернационализм не может развиваться без признания социалистическим движением равных прав всех наций. Как единство и солидарность рабочих одной нации может существовать только на основе равенства — без каких-либо отличий или привилегий, основанных на оккупации, по религиозному, расовому, половому или отраслевому признаку, — так же интернациональное единение эксплуатируемых может быть построено только на признании национальных прав и в особенности права на самоопределение всех народов.

Когда Ленин настаивал на том, что РСДРП должна признать право Польши на самоопределение — право польского народа самому решать, хочет ли он отдельного государства или нет, он делал это не только потому, что борьба польского народа против царизма была исторически прогрессивна (это аргумент Маркса и Энгельса), но прежде всего потому, что она была предпосылкой образования интернационального союза польских и русских рабочих. Признание национальных прав — существенное условие интернациональной солидарности, поскольку оно позволяет рассеивать подозрения, ненависть и страх, которые сталкивают народы друг с другом и подпитывают шовинизм. Как писал Ленин, без права на развод — на отдельное государство — не может быть настоящего свободного брака — единства или федерации наций. К сожалению, политика правительства большевиков (включая Ленина) после октября 1917 года не всегда отвечала этому принципу, о чем свидетельствует, например, вторжение в Польшу в 1920-м или оккупация Грузии в 1921 году.

Кардинально различая национализм угнетенных и угнетателей, социалистические интернационалисты ни в коем случае не должны некритически поддерживать первый. Но они осознают противоречивую природу национализма угнетенных: его освободительное измерение как бунт против несправедливого угнетения — с одной стороны, и ограничения, накладываемые партикуляристской, обособляющей идеологией национализма — с другой. Поэтому логично, что все подлинно социальные революционные движения угнетенных народов обязательно ставят национальное освобождение в центр своей борьбы, связывая его с освобождением общества от капиталистической эксплуатации, тогда как в империалистических метрополиях отрицание национализма лежит в основании любой радикальной конфронтации с существующим порядком, от антивоенного движения в США до французского

мая 1968 года (главным лозунгом которого был «Les frontières on s'en fout!» — «К черту границы!»).

Нужно, однако, подчеркнуть, что разница между двумя видами национализма относительна. Во-первых, потому что вчерашние угнетенные очень легко могут стать угнетателями: нет недостатка в примерах такого рода сегодня. Во-вторых, потому что националистическая идеология (или движение) угнетенных наций всегда имеет как бы двойное острие: она способна не только освобождать от угнетателей, но и угнетать собственные национальные меньшинства. И, в-третьих, потому что в обеих формах национализма можно найти элементы шовинизма, глобальное отрицание «другого» и (иногда) расизм.

Ленин в этом отношении был «классическим» марксистским мыслителем — он лучше всех осознавал диалектику интернационализма и национальных прав. Однако в некоторых работах он трактует демократические права наций как часть, которая должна быть подчинена целому, то есть мировому демократическому и социалистическому движению. Такая формулировка кажется нам опасной и несколько механистической. Если социалистическая революция — это самоосвобождение пролетариата в союзе со всеми эксплуатируемыми и угнетенными социальными группами, значит, она тесно связана с демократическим самоопределением нации. «Социализм», навязанный народам извне, против их воли, будет лишь карикатурой на социализм, обреченной на бюрократическое вырождение (многие восточноевропейские страны тому пример!). На наш взгляд, более корректно — и в соответствии с основными ленинскими работами по национальному вопросу — представление о пролетарском единстве как о цели марксистов, а о национальном самоопределении как о необходимом средстве. Цель и средства здесь диалектически связаны таким образом, что подчинение национальной сферы интернационализму исключает возможность «принесения в жертву» первого последнему.

По ту сторону наций?

Если социалистический интернационализм противостоит националистической идеологии, это вовсе не означает, что он отрицает исторические и культурные традиции нации. Интернационалистское движение в любой стране не только говорит на национальном языке, но также вынуждено говорить на языке национальной истории и культуры; в первую очередь это касается культур угнетенных наций. Ленин осознавал, что любая культура и любая национальная история содержат демократические, прогрессивные, революционные элементы, которые должны

быть впитаны социалистической культурой рабочего движения, и реакционные, шовинистические и обскурантистские элементы, с которыми нужно бескомпромиссно бороться. Задача интернационалистов в том, чтобы сочетать историческое и культурное наследие мирового социалистического движения с культурой и традицией своего народа — ее радикальное и ниспровергающее измерение, которое часто деформировано буржуазной идеологией, скрыто или погребено под официальной культурой правящих классов. Точно так же марксисты в процессе революционной борьбы должны учитывать решающее значение национальной специфики их общественной формации, — они не могут игнорировать национальное своеобразие собственной культуры и истории.

Именно так поступал Сандинистский фронт национального освобождения в Никарагуа, связывая марксизм с наследием Сандино, радикальной традицией, живущей в коллективной памяти никарагуанского народа. Сходные процессы имели место на Кубе с демократической и антиимпериалистической традицией, представленной Хосе Марти, и в Северной Америке с индейским бунтовским прошлым, олицетворяемым Тупак-Амару.

Если социализм в марксистском смысле слова — бесклассовое и безгосударственное общество — может существовать только в общемировом масштабе, то каким будет место наций на будущей «Социалистической Матери-Земле»? Это отнюдь не утопический и не праздный вопрос, поскольку интернационалистская природа конечной революционной социалистической цели должна вдохновлять, насколько это возможно, борьбу в ее сегодняшних формах. Для исторического материализма государство-нация не есть вечная категория: она не вытекает ни из «человеческой природы», ни из какого-либо биологического закона природы (тезис, отстаиваемый некоторыми ультрареакционными «социобиологами», заявляющими, что они вывели феномен нации из «территориального принципа» некоторых животных особей). Государство-нация существовало не всегда, и нет оснований полагать, будто оно вечно. Иными словами, оно — продукт исторического развития и может быть преодолено историей.

Необходимость некоторой формы структурированной (или «институциональной») организации есть универсальная потребность всех цивилизованных человеческих обществ. Организация может принимать как национальные формы, так и субнациональные (кланы, племена) либо сверхнациональные (религиозные цивилизации). Средневековая Европа — характерный пример социальной и политической организации, сочетающей местные структуры, которые были донациональными (феодалные поместья, княжества), и универсалистские структуры, которые являлись транснациональными (Священная Римская империя,

церковь). Современное государство-нация возникло в XIV–XV веках — с подъемом капитализма и образованием национального рынка, а точнее, в процессе разрушения/разложения двух указанных ненациональных структур.

Таким образом, не существует априорных аргументов, отрицающих возможность будущего нового наднационального человеческого общества, Мировой социалистической республики, которая, объединяя людей экономически и политически, сведет существо нации к ее культурному измерению. Универсальная культура, которая возникнет в этих условиях, будет мирно сосуществовать с богатым разнообразием национальных культур.

Этот пункт вызывал много споров в марксизме XIX века. Здесь можно выделить две основные позиции:

1. Те, кто приветствовал (или полагал неизбежной) будущую ассимиляцию всех наций в универсальной общей социалистической культуре: Каутский, Ленин, Сталин, Паннекук, Йозеф Штрассер. Теория Каутского о едином интернациональном языке — ясное выражение этой позиции.
2. Те, кто верил в свободное развитие всех национальных культур в объединенной универсальной общности: Бауэр, Троцкий и Люксембург. Например, Троцкий писал в статье 1915 года: «... нация есть могущественный и крайне устойчивый фактор человеческой культуры. В социалистическом строе освобожденная от пут государственно-хозяйственной зависимости нация останется надолго важнейшим очагом духовной культуры» [7].

Третья позиция, «национальный нейтралитет», была намечена Владимиром Медемом, лидером еврейского Бунда. Она состояла в следующем: невозможно предсказать, приведет ли будущее развитие к растворению еврейского народа. В любом случае, марксисты не должны ни мешать этому процессу, ни подталкивать его, им следует придерживаться нейтралитета [8]. Если обобщить эту позицию и отнести ее ко всем национальным культурам (чего Медем не сделал), то можно развить оригинальное и новаторское понимание этой проблемы [9].

В любом случае, с социалистической, революционной и демократической точки зрения наиболее важно то, что никакая интернационалистическая политика не может быть основана на отрицании, подавлении, запрете или ограничении прав нации на самоопределение и собственное развитие.

ГЛАВА 6. ПОЧЕМУ НАЦИОНАЛИЗМ?

Важнейшие проблемы нашего времени — такие как растущий разрыв между Севером и Югом, необходимость общего разоружения, мировой капиталистический кризис, угроза экологической катастрофы — безусловно имеют интернациональный характер. Они едва ли могут быть решены на местном, региональном или национальном уровне. Однако в то время как мультинациональный капитализм все больше объединяет мировую экономику, в Европе и во всем мире происходит и значительный подъем национализма, захватывающего все на своем пути.

Хотя некоторые национальные движения имеют освободительный и прогрессивный характер, национализм часто является «ложным решением» экономических, социальных, политических и экологических вызовов нашего времени. Почему же он стал так популярен во многих странах и регионах мира?

Этому феномену нет простого объяснения, но может быть полезно сравнить его с подъемом религиозных чувств, происходящим параллельно. Кризис обеих существующих моделей (инструментальной) рациональности — как капиталистического накопления, так и бюрократического продуктивизма — способствует развитию нерациональной (иногда иррациональной) реакции — религии и национализма. Конечно, оба феномена могут иметь и прогрессивные формы — как в движениях национального освобождения или в теологии освобождения, — но регрессивные тенденции (националистическая и/или религиозная нетерпимость) сегодня выглядят весьма устрашающе.

Во многих странах религия имеет свойство смешиваться с национализмом, придавая ему большую притягательность и ауру «сакральности»:

это касается католицизма в Польше и Хорватии (а также, в другом контексте, в Ирландии), православия в Сербии и России, консервативного евангелизма в США, некоторых форм иудаизма в Израиле, ислама в Ливии и Иране.

В других случаях религия и национализм конкурируют или даже открыто борются друг с другом — это касается исламского фундаментализма и арабского национализма в Северной Африке и на Ближнем Востоке.

Как бы то ни было, национализм имеет собственные корни, и связь с религией — не обязательное условие его развития. Но как объяснить его сегодняшний подъем? Можно предположить, что волна национализма — это реакция на растущую интернационализацию экономики и (до определенной степени) культуры, борьба против угрозы гомогенизации. Его можно рассматривать также как попытку восстановить баланс, компенсировать утрату экономической независимости усилением (порой в чудовищных масштабах) этических, политических и культурных аспектов национальной идентичности.

Сходная (но все же иная) гипотеза была предложена Теодором Адорно в 1966 году на конференции на тему «Образование после Аушвица»: национализм обретает агрессивные формы оттого, что «в эпоху международных связей и наднациональных альянсов ему не хватает настоящей веры в себя, и потому он вынужден быть отчаянно чрезмерным, если хочет убедить и себя, и других в собственном существовании» [1]. Этот аргумент, безусловно, гораздо лучше применим к европейской действительности 90-х, чем 60-х.

И все же обобщение Адорно, как и другие похожие высказывания, при всей своей важности не может в полной мере объяснить необычайное разнообразие этого явления, принимающего самые разные формы в разных частях мира. Поэтому, чтобы осмыслить движущие силы национализма, необходимо рассмотреть его специфическую природу в каждом из множества разнообразных контекстов.

Восточная Европа

Начнем с региона, в котором новый подъем национализма особенно очевиден: Восточная Европа и страны бывшего СССР. Один проныцательный обозреватель восточноевропейской политики точно охарактеризовал события в этом регионе: «Последние остатки солидарности между несвободными национальностями в «поясе смешанного населения» улетучились с устранением центральной деспотической бюрократии, которая одновременно и собирала на себя и отводила друг от друга рассеянную ненависть и конфликтующие

национальные притязания. Отныне каждый был против любого другого и больше всего против своих ближайших соседей: словаки против чехов, хорваты против сербов, украинцы против поляков».

В этом анализе особенно любопытен тот факт, что он был сделан отнюдь не две недели назад. Это отрывок из известной книги Ханны Арендт об истоках тоталитаризма, опубликованной в 1951 году, в которой описывается «атмосфера распада» в Восточной Европе в 1920-е, после исчезновения Австро-Венгерской монархии и царской империи — об этих двух «деспотических бюрократиях» и идет речь в приведенной цитате [2].

Кстати, подобные мысли можно найти в заметках Розы Люксембург о войне и национализме за 1918 год: «Национализм сейчас это козырь. Со всех сторон нации и полунации заявляют о своем праве на государство... На националистическом Брокене сегодня — пора Вальпургиевой ночи» [3].

Иными словами, мы, то есть большая часть Европы, оказались отброшенными на 70 лет назад.

Следует подчеркнуть: нет ничего регрессивного в том, что сегодня (как и в 1920-м) многонациональные империи, ставшие настоящими «тюрьмами народов», рушатся, и угнетенные народности снова обретают свободу. Поэтому в национальном возрождении, происходившем с 1989 года в Восточной Европе и странах бывшего СССР, безусловно есть демократический аспект. Социалисты и демократы могли только ликовать, когда советские танки покидали Восточную Германию, Польшу и Венгрию, а части КГБ — страны Балтии, предоставляя этим народам право самостоятельно решать свое будущее и свободно выбирать между единством, отделением или федерацией.

Увы, эта картина не так уж радужна: в упомянутых национальных движениях неразделимо слиты лучшие и худшие черты. Среди лучших — демократическое пробуждение ограбленных народов, возрождение их языка и культуры, стремление к свободе и национальной независимости. Среди худших: пробуждение шовинистического национализма, экспансионизма, нетерпимости, ксенофобии, возрождение старых межнациональных ссор, ненависти к «потомственным врагам», рост авторитарных тенденций, ведущий к угнетению собственных национальных меньшинств; и, наконец, подъем фашистских, полуфашистских и расистских форм национализма: в России («Память»), Румынии, Словакии, Хорватии (неоусташи), Сербии (неочетники), в бывшем ГДР (неонацисты) и в других странах. Вечные козлы отпущения — евреи и цыгане — снова объявляются виновными во всех грехах общества.

Парадоксально, что этот негативный и зловещий аспект, это «возвращение вытесненного», возрождение древней национальной вендетты нигде не проявляется настолько жестоко и абсурдно, как в Югославии — единственной из «социалистических» стран Восточной Европы, которая смогла выйти из-под контроля Москвы и создать относительно равноправную федерацию народов. В итоге же антифашистская солидарность разных национальностей, укорененная в коммунистическом партизанском движении Второй мировой войны, сошла на нет, уступив место варварской «войне всех против всех».

Конечно, этот парадокс можно объяснить целым комплексом экономических, культурных, политических, религиозных и исторических причин, не забывая и об ответственности сербского национал-сталинистского режима Милошевича, открывшего своей политикой подавления косовских албанцев националистический ящик Пандоры в этой стране [4]. Тем не менее остается неустранимое ядро чистой иррациональности в этом взрыве ненависти к «другому», самым страшным выражением которой стала политика «этнических чисток», проводившаяся сербскими националистами в Боснии-Герцеговине.

Война России с Чечней — еще один пример варварства, спущенного с цепи постсоветским национализмом. Сейчас невозможно предугадать, будет ли «югославская парадигма» повторена другими и примут ли существующие конфликты, например между словаками и чехами, венграми и румынами, молдаванами и русскими, азербайджанцами и армянами, грузинами и осетинами, русскими и украинцами, форму общей конфронтации; приведет ли распад СССР к национальным войнам (с использованием ядерного оружия?), на фоне которых югославский конфликт будет выглядеть незначительным инцидентом. Может произойти все что угодно, в том числе самое худшее.

Причины этого национального взрыва, который потрясает практически весь «социалистический блок», среди прочего таковы:

1. Восстание против десятилетий дискриминации и «великорусской» гегемонии. Эта самая явная основа национальных движений как в бывшем СССР, так и среди его сателлитов. Без сомнения, аннексия стран Балтии во время Второй мировой войны, вторжение в Венгрию в 1956-м и Чехословакию в 1968 году наложили глубочайший отпечаток на национальное сознание этих стран. Логично, что после исчезновения железного занавеса советской оккупации произошел огромный всплеск национализма. Однако все эти доводы не относятся к Югославии,

независимому государству, освободившемуся от советской гегемонии в 1948 году.

2. Согласно чешскому историку Мирославу Гроху, «там, где происходит распад старого режима, где расшатаны прежние общественные отношения, среди всеобщей незащищенности принадлежность к одному языку и культуре может стать единственной опорой общества» [5].

Этот тезис выявляет параллели между сегодняшними событиями и событиями 1920-х годов, вызванными распадом традиционных империй Центральной и Восточной Европы.

3. Крах социалистических идей, ценностей и образов (включая идею «пролетарского интернационализма»), а также культуры рабочего класса, дискредитированных многолетними бюрократическими манипуляциями и чаще всего отождествляемых с официальной доктриной «старого режима». Политика, как и природа, не терпит пустоты. Ни одна из конкурирующих политических идеологий не имеет такой мощной традиции и таких древних корней в народной культуре, как национализм — часто совмещенный, как мы видели, с религией. Либеральный индивидуализм западного типа, привлекательный для интеллигенции и нового класса предпринимателей, не слишком привлекает широкие массы населения.
4. Желание относительно развитых народов, регионов или республик отсоединиться от более бедных и относительно отсталых территорий, чтобы самим пользоваться своими ресурсами и как можно скорее примкнуть к западноевропейскому рынку. Это относится в первую очередь к Словении и Хорватии, к странам Балтии и в целом к западным (по отношению к азиатским) территориям бывшего СССР. Похожее явление наблюдается в Северной Италии (подъем так называемой Ломбардской лиги).

К этим основным причинам нужно добавить манипуляции национальными чувствами со стороны неосталинистских и неолиберальных элит, пытающихся сохранить (или вернуть) власть. В качестве примеров можно привести Азербайджан, Россию, Сербию, Хорватию.

Чем может помочь марксизм?

Какую помощь в этой хаотичной обстановке территориальных конфликтов, исторических претензий, шовинистических притеснений и освободительных восстаний могут оказать аналитические и политические инструменты марксизма?

Огромное преимущество марксизма — его критическая/рациональная, и одновременно гуманистическая/универсальная точка зрения. Однако марксизм окажется безоружным в столкновении с действительностью, если не избавится от некоторых мифов и иллюзий, составляющих часть его собственной традиции.

Среди этих мифов есть один особенно пагубный: это идея «объективного», «научного» определения нации. Благодаря Сталину эта догма посеяла смуту на четырех континентах, превратив теорию в настоящее прокрустово ложе, необходимое для декретов Политбюро (которое наделено правом определять, соответствует ли та или иная нация «объективным» критериям).

К счастью, большинство марксистов, имеющих сегодня дело с национальным вопросом, прекрасно осознают, что нации не могут определяться чисто объективными понятиями, такими как территория, язык или экономическая общность (притом что все эти понятия далеко не бесполезны), а представляют из себя воображаемые сообщества или культурные образования.

Что касается иллюзий, одну из них можно найти у самого Маркса, а также в размышлениях виднейших марксистов от Розы Люксембург до наших современников: это представление о неминуемом закате национализма и государства-нации, превращающихся в анахронизм благодаря интернационализации экономики.

Облегченная версия этой гипотезы отстаивалась еще в 1988 году, накануне самой мощной волны национализма в Европе со Второй мировой войны. В книге о нациях и национализме с 1780 года Хобсбаум осмелился на следующий диагноз: «Поскольку никто не может отрицать растущее и порой драматическое влияние националистической или этнической политики, есть один главный аспект, в котором этот феномен сегодня с функциональной точки зрения отличается от «национализма» и «наций» в XIX — начале XX века. Он больше не является основным вектором исторического развития». По его мнению, «упадок исторического значения национализма сегодня скрыт за обостренным этническим/языковым беспокойством». Иными словами, «несмотря на то, что национализм вышел на первый план, исторически он стал менее важен. Он уже не является, глобальной перспективой развития или всеобщей политической программой, каковой действительно был в XIX-начале XX вв. Теперь он самое большее — дополнительный усложняющий фактор или катализатор для иного рода процессов» [7].

Можно было бы подписаться под этим оптимистическим (с точки зрения интернационалистического социализма) взглядом на вещи, однако трудно отделаться от впечатления, что автор выдает желаемое

за действительное. Не обязательно симпатизировать националистическим идеологиям, чтобы принимать во внимание их растущее влияние в Европе. Сложно предсказать, как будут развиваться события в 21 столетии, но в настоящее время нет оснований считать роль национализма в Европе (и во всем мире) незначительным или второстепенным фактором.

Хобсбаум подходит ближе к истине, когда указывает, что националистические «решения» неадекватны реальности, особенно в Восточной Европе. В отличие от националистов марксисты убеждены, что национальная независимость во многих случаях хоть и необходимый, но недостаточный фактор для решения основных экономических, социальных, экологических и политических проблем, с которыми сталкивается население,— особенно если учитывать новый вид экономической (а значит, и политической) зависимости недавно освободившихся народов от финансовой системы Запада.

Западная Европа

Западноевропейские либералы часто заявляют, что взрыв национализма в Восточной Европе и его ксенофобские проявления — результат «недоразвитости» примитивных полуаграрных обществ, народов, слишком долго живших под «коммунизмом» и не имеющих достаточного опыта демократии. Некоторые даже уверены, что национализм — это просто плод заговора бывших коммунистов (как в Сербии, Болгарии или Азербайджане), стремящихся остаться у власти. Западная Европа представляется гармоничным миром, которому не свойственны такого рода иррациональные страсти. А нации демократической и современной части континента рука об руку мирно движутся к интеграции в объединенное европейское сообщество.

Такой идиллический образ не соответствует действительности. Это иллюзия, если не мистификация — полагать, будто Западная Европа вышла сегодня «за пределы национализма» или достигла, как недавно написал Эрнст Геллнер, «пятой стадии» истории европейского национализма, «относительно мягкого состояния», в котором «экономическая и культурная конвергенции рассеивают этническую враждебность» [8].

В Западной Европе также существуют и растут национальные конфликты, националистические чувства и националистические движения. Их можно отнести к двум основным видам:

1. Обычно прогрессивные движения за права национальных меньшинств и/или угнетенных наций. Баски и ирландцы — лишь

(взрывоопасная) вершина этого айсберга, который составляют также каталонцы и галисийцы, шотландцы и валлийцы, корсианцы, греческие киприоты и др. [9].

2. Ксенофобский и расистский национализм, направленный не столько на «внешнего врага» (другие европейские нации), сколько на «внутреннего»: рабочих-иммигрантов арабского, африканского, турецкого, курдского или восточноевропейского происхождения (а также против еврейского или цыганского меньшинств). Политическое выражение этих процессов — ошеломляющий рост националистических партий и движений полуфашистского, фашистского или даже нацистского характера (во Франции, Австрии, Бельгии и Германии) — они представляют уже 7 миллионов избирателей в Европейском Союзе! — а также зверские нападения скинхедов и других расистских группировок. Только в Германии в 1991-м произошло около 1200 нападений расистских головорезов на иммигрантов (в 1990 году — 270 нападений) [10].

Разумеется, расизм не равен национализму. Но, как подчеркивал Адорно на вышеупомянутой конференции в 1966 году, «пробуждение национализма создает самый благоприятный климат для подъема расизма и нетерпимости. В своих наиболее радикальных и экстремальных формах национализм часто превращается в расизм, пытаясь обосновать национальное превосходство псевдобиологическими критериями».

Основной мишенью западноевропейского ксенофобского национализма остаются на сегодняшний день иммигранты с юга (особенно из Африки и Азии). Следующими жертвами будут (или уже являются, как в Германии) несчастные иммигранты из Восточной Европы, вытесненные из своих стран национальными конфликтами или экономической катастрофой в результате жестокого внедрения рыночной экономики. После арабов, африканцев или турок настала очередь поляков, румын или албанцев стать козлами отпущения для западных расистов/националистов.

Партии западноевропейского истеблишмента хотя и не поддерживают расизм, но заражены своего рода «западным национализмом», ведущим к отрицанию демократических прав (например, права голосовать или участвовать в выборах) рабочих-иммигрантов и к закрытию, насколько это возможно, границ ЕС для западных иммигрантов. Может быть, однажды Евросоюз выстроит берлинскую стену немного восточнее прежней и заборы с колючей проволокой под напряжением, восстановив железный занавес на этот раз с западной стороны границы?

На самом деле присутствие иммигрантов — всего лишь предлог. Они составляют не более 2% населения Евросоюза; кроме того, они живут здесь уже 15–20 лет и прежде не вызвали такой реакции. Откуда же этот всплеск ксенофобии?

Безусловно, среди его причин — экономический кризис, безработица и ухудшение жизненных условий в бедных районах. Но важны и более глубокие изменения в политической культуре некоторых слоев населения. Как и в Восточной Европе (хотя и несколько иначе), национализм/расизм занимает место дискредитированных социалистических и классовых ценностей, которые так долго ассоциировались с СССР и компартиями. С этой точки зрения подъем националистических ценностей имеет общие корни в обеих частях Европы.

К этому стоит прибавить разочарование в социал-демократической политике в эпоху кризиса, фактически неотличимой (за исключением отдельных частностей) от неолиберальной. Неспособность социал-демократических правительств (или коалиций, в которых участвовали социал-демократы) преодолеть растущие социальные контрасты, их следование общепринятым экономическим (буржуазным) истинам и вовлеченность в разнообразные коррупционные скандалы (например, во Франции и Италии) вымостили путь «популистским» ксенофобским движениям всех мастей. Из-за упадка социалистической культуры капитализм кажется все более «естественной» системой, единственно возможным горизонтом, обязательной формой производства и обмена. В результате экономические и социальные проблемы, такие как безработица, нищета и незащищенность в городах связываются многими уже не с изъянами капитализма, а с присутствием иммигрантов и других «иностранцев».

Бывший третий мир

Прогрессивные и реакционные формы национализма могут быть обнаружены и в «третьем мире» (термин, потерявший всякое значение, поскольку «второго мира» больше нет), то есть на зависимой периферии империалистической мировой системы.

Некоторые важные прогрессивные национально-освободительные движения существуют сегодня в Африке, Азии и на Ближнем Востоке. Однако нужно подчеркнуть, что большая часть этих движений — например, в Курдистане, Палестине, Восточном Тиморе и Южном Судане — противостоит не западному империализму как таковому, а скорее местным формам национального угнетения. За исключением волны народного протеста в арабском мире против войны в Заливе

антиколониальный и антиимпериалистический национализм, кажется, в основном утратил свое влияние, что сыграло на руку реакционным и/или ксенофобским по своей сути движениям, таким как исламский фундаментализм, этнолингвистический или религиозный коммунизм (Индия, Шри-Ланка) и трайбализм, проявившийся в наиболее чудовищной форме в 1994 году в Руанде, когда жертвой геноцида стал миллион представителей народа тутси.

Противоречивые формы национализма сосуществуют и в Латинской Америке [12]. Классический пример реакционного национализма — «патриотическая» идеология военных режимов в Аргентине, Бразилии или Чили в 1970–1980-х годах, обычно направленная против призрака «международного коммунизма» и его латиноамериканских «подрывных агентов». Во имя «доктрины национальной безопасности» любой социальный протест, любое левое движение клеймилось как «инспирированное из-за рубежа» или основанное на «иноземных доктринах, чуждых нашей национальной традиции». Это консервативное течение национализма времен холодной войны активно пользовалось национальными символами (флаг, национальный гимн) и патриотической риторикой, однако без колебаний принимало американскую гегемонию («лидирующую роль США в свободном мире»). Возможно, это была геополитическая тактика, выявлявшая претензии этих стран на роль регионального империалистического гегемона — например, политика бразильской военщины 1970-х, — хотя подобная активность очень редко приводила к открытому конфликту с западными державами-конкурентами (как в случае войны Аргентины с Британией за Мальвинские/Фолклендские острова).

Популистский национализм среднего класса, достигший апогея в 1940–1950-х (перонизм в Аргентине, APRA в Перу, «жетулизм» в Бразилии и т.п.), сегодня находится в упадке из-за компромиссов с зарубежным капиталом. Самый очевидный пример — перонистское правительство в Аргентине (президент Менем), которое систематически разрывало связи с национальной традицией движения и очень ревностно следовало инструкциям ВМФ. В некоторых случаях, например в Мексике, кризис правительственного популистского движения (PRI, Институциональная Революционная партия) привел к расколу и образованию новой партии. Мексиканская PRD (Революционная демократическая партия) под руководством Куатемока Карденаса — сына бывшего президента Ласаро Карденаса, экспроприировавшего нефтяные компании США в Мексике в 1930-е годы — ставит своей задачей обновление националистической и антиимпериалистической традиций мексиканской революции.

Революции в Латинской Америке всегда имеют одновременно социальное и национальное содержание. Это относится не только к мексиканской революции 1910–1911 годов или боливийской революции 1953 года, но и к более радикальным (стремившимся к социалистической трансформации) революциям на Кубе (1959–1961) и в Никарагуа (1979). Фидель Кастро и его последователи вдохновлялись борьбой и идеями Хосе Марти, якобинца, националистического и антиимпериалистического лидера восстания против испанского колониализма, а бойцы FSLN (Сандинистского фронта национального освобождения) в Никарагуа считали себя продолжателями войны за освобождение, которую вел Аугусто Сандино с военно-морским флотом США (1927–1932). Борьба за национальную независимость и суверенитет против агрессивной имперской политики США была важнейшей составляющей кубинских и никарагуанских революционных движений и залогом их массовой поддержки.

Сегодня борьба за отмену иностранного долга и политики ВМФ стала главным средоточием прогрессивных национальных чувств и антиимпериалистических выступлений в Латинской Америке, принимая формы демонстраций, забастовок, протестов и даже массовых восстаний. Требуя выплаты долга (что, строго говоря, невозможно), ВМФ и Мировой банк настолько серьезно вмешиваются в экономическую и социальную политику этих стран (вмешательство, не имеющее прецедентов со времен испанской оккупации в XIX веке!), что независимость последних зачастую оказывается фиктивной. «Советники» и «эксперты» международных финансовых учреждений навязывают правительствам Латинской Америки уровень инфляции, урезание бюджетов на образование и здоровье, политику в области заработной платы и налоговую структуру. Массовая борьба против столь вопиющих форм зависимости и выплат иностранного долга — это не только «националистическое», но и «антисистемное» (если использовать термин Иммануила Валлерстайна) движение, поскольку оно противоречит логике мировой капиталистической системы. Эта борьба имеет также и классовую составляющую, поскольку вступает в конфликт с местными правителями, которые чаще всего готовы мириться с политикой ВМФ и зарубежных банков.

Неудивительно, что в некоторых странах, скажем в Бразилии, Боливии или Перу, именно движения рабочих, профсоюзы и левые партии вели борьбу против возвращения иностранного долга: национальное и социальное освобождение во многом зависят от сознательности наиболее активных секторов движения. Лула, лидер бразильской партии трудящихся, получивший 47% голосов на президентских выборах 1989 года, призвал к немедленному замораживанию выплат и публичному расследованию долговых сделок, чтобы понять, что

произошло с заимствованными деньгами (в первую очередь в эпоху военного режима с 1964-го по 1985 год). Он также призвал к совместным инициативам стран-должников, поскольку некоторые из них неспособны противостоять кредиторам в одиночку.

Насколько далеко может зайти одна страна — даже такая могущественная, как Бразилия или Мексика — в отрицании диктатуры Мирового банка и освобождении от империалистического ярма? Способно ли объединенная Латинская Америка, руководимая подлинными демократами, создать альтернативу планам экономической интеграции, разрабатываемым США? Как достичь национального и социального освобождения слаборазвитых стран без экономической или военной помощи индустриальных держав, таких как СССР? Насколько важны противоречия между Европой, Японией и США, и могут ли они быть использованы освободившимися периферийными странами?

Этот и подобные вопросы — на которые не так уж легко ответить — обсуждаются сегодня среди прогрессивных, социалистических и антиимпериалистических сил в Латинской Америке и по всему бывшему третьему миру. Следовательно, национальное освобождение по-прежнему является ключевой задачей периферийных стран, но, поскольку эффективность чисто националистического подхода весьма невысока, то потребность в интернациональной стратегии, возможно, сегодня очевиднее, чем в прошлом.

Пример Кубы показывает, что независимое государство может по крайней мере некоторое время выживать в условиях американской блокады, бойкота мировых финансовых институций и отсутствия поддержки от бывшего СССР. Но в более отдаленной перспективе будущее Кубы будет зависеть от развития других стран Латинской Америки.

В последние годы многие социалистические, националистические и антиимпериалистические силы в Латинской Америке — включая среди прочего бразильскую PT, никарагуанскую FSLN, сальвадорскую FMLN (Фронт национального освобождения Фарабундо Марти), мексиканскую PRD и компартию Кубы — ощутили потребность в интернациональной (или, по крайней мере, региональной) координации и создали Объединенный фронт под названием Форум Сан-Паоло, который собирается каждый год и обсуждает перспективы развития. На первой конференции Форума в 1990 году была принята общая стратегия национального освобождения в Латинской Америке. Прежде всего она отвергла предложение Джорджа Буша об «американской интеграции» как попытку «полностью открыть наши национальные экономики для несправедливой и неравной

конкуренции империалистического экономического аппарата, полностью подчиняя его гегемонии и разрушая наши производственные структуры, интегрируя нас в зону свободной торговли, управляемую США и организованную в их интересах». Взамен такой интеграции под властью империализма документ предлагает «новую концепцию континентального единства и интеграции», основанную на суверенитете и самоопределении Латинской Америки, воссоздании ее исторической и культурной идентичности и интернационалистическую солидарность ее народов. Это предполагает защиту латиноамериканского наследия, прекращение экспорта капитала с континента, общую и единую политику в том, что касается непосильного внешнего долга, а также ведение экономической политики в интересах большинства, политики, способной одолеть нищету, в которой живут миллионы латиноамериканцев [13].

Наряду с антиимпериалистическим национализмом такого толка в Латинской Америке в последние годы развился и другой вид освободительного национализма: движение коренных народов за свои права. Дискуссия по поводу пятисотлетия появления Колумба в Америке и присуждение Нобелевской премии Ригоберте Менчу придало большую огласку борьбе коренных народов в защиту своих общин, своей земли и этнической культуры от угнетения правящими олигархиями (обычно испанского происхождения).

Эти индейские движения, сообщества или политические партии (например, движение Тупак Катари в Боливии), которые обычно не ограничиваются одной этнической группой (кечуа, аймара, майя), но объединяют все индейские общины в каждой стране, критикуют западную цивилизацию и ее ценности (частную собственность, индивидуализм, товарное производство) во имя докапиталистических (или доколумбовых) коренных традиций и общинной культуры. Их борьба имеет одновременно национальный, социальный и экологический характер.

Хотя некоторые организации теснее связаны с этническим фактором и призывают к реставрации старых индейских наций и империй, большая часть движений борется за признание национальных и культурных прав коренных народов заодно с другими угнетенными группами и классами. Пример — общеконтинентальное движение 1992 года против официального празднования пятисотлетия открытия Америки, названное «Пятьсот лет индейского, черного и народного сопротивления», одна из основных целей которого — солидарность с борьбой коренных народов. Конечно, существуют огромные различия между коренными народами таких стран, как Гватемала, Перу и Боливия, где они составляют большинство населения с одной стороны, и маленькими сохранившимися племенами

в районе Амазонки — с другой. Если в первом случае национальная борьба тесно связана с социальной борьбой и аграрным вопросом (борьба за землю), то в последнем это скорее вопрос защиты от этноцидальной логики «цивилизации».

Сопrotивление профсоюзов, экологов и индейцев разрушительному сельскохозяйственному бизнесу может привести к совместным действиям — например, в амазонском регионе Бразилии по инициативе известного профсоюзного и экологического лидера Чико Мендеса (позже убитого фермерами) была разработана конституция Конфедерации народов дождевого леса.

Наконец, есть и третья форма прогрессивного национализма в Латинской Америке (а также в США): это черный национализм, особенно значимый в странах Карибского бассейна. Его исторические корни — в восстаниях рабов и, прежде всего, в революции 1791 года на Гаити под предводительством Туссена-Луввертюра и Черных якобинцев. В Бразилии, где большую часть населения составляют чернокожие или цветные, также происходили восстания рабов (например, Киломбо Дос Палмарес, колония восставших рабов в XVIII веке).

В наше время основная форма культурного сопротивления черных имеет религиозные формы, это связано с развитием умбанда, синкретического культа, в котором совмещены африканские элементы и влияние христианства.

Универсализм настоящий и фальшивый

Каким должно быть отношение марксистов к национальным конфликтам? Марксизм противостоит националистической идеологии, но он признает важность и правомерность демократических национальных прав.

Вот почему во время конфликтов между западными империалистическими державами и зависимыми странами Азии, Африки и Латинской Америки марксисты обычно защищали права периферийных наций и борьбу против всех форм империалистической агрессии (какой бы «демократической» или «юридической» фразеологией они ни прикрывались). Но это не значит, что марксисты должны оказывать какую-либо поддержку реакционным — военным, религиозным или националистическим — диктаторам третьего мира, таким как генерал Видела, Аятолла Хомейни, Саддам Хусейн или генерал Норьега.

Преимущество марксизма, стоящего на интернационалистских позициях —отличающее его от множества национально-бюрократических фальшивок,— в его универсалистской и критической точке зрения,

противоположной страстям и соблазнам националистической мифологии. Важно, однако, чтобы этот универсализм не оставался абстрактным, не основывался на простом отрицании национальных особенностей, а становился бы «конкретно универсальным» (по Гегелю) и приобретал способность включать в себя в форме диалектического *Aufhebung* («снятия») все богатое разнообразие частного.

Благодаря понятию «империализм» марксизм способен избежать капкана евро- (или западо-) центричного псевдоуниверсализма, который стремится под прикрытием «цивилизаторской миссии» навязать всем странам мира (в первую очередь, периферийным) главенство современного буржуазного образа жизни: частной собственности, экономической экспансии, продуктивизма, утилитаризма, собственнического индивидуализма и инструментальной рациональности.

Это не означает, что социалисты игнорируют универсальную ценность некоторых достижений европейской культуры, появившихся после 1789 года, таких как демократия или права человека. Это означает только, что они отказываются от ложного выбора между якобы «западным» универсализмом и узколобым почитанием культурных отличий.

Для марксизма наиболее значительная из универсальных ценностей — освобождение человечества от всех форм угнетения, подавления, отчуждения и деградации. Эта утопическая универсальность противостоит идеологическим универсальностям, которые апологетически представляют западный *status quo* как элемент уже реализованной универсальной человеческой культуры, конец истории, воплощение абсолютного духа.

Между тем только особая, критическая универсальность, стремящаяся к эмансипированному будущему, способна преодолеть близорукый национализм, узкий культурализм и этноцентризм.

Как исходя из этого должны реагировать марксисты на нынешние национальные конфликты в Европе или общинные раздоры в третьем мире?

Прежде всего, марксистское различие между национализмом угнетателей и угнетенных сегодня оправдано как никогда и служит нам компасом, указывающим путь при нынешнем шторме. Но его использование затруднено известным свойством современных национализмов: любая угнетенная нация, едва успев освободиться, начинает аналогичное угнетение собственных национальных меньшинств. В сегодняшних межнациональных конфликтах каждая из сторон зачастую подвергает гонениям меньшинство, принадлежащее к противостоящей нации,

и манипулирует своими соотечественниками по другую сторону границы (яркий пример — бывшая Югославия).

Таким образом, чтобы разобраться в путанице противоположных и взаимоисключающих требований, нам необходим универсальный критерий. Таким критерием может стать только поддерживаемое и социалистами и демократами право на самоопределение (вплоть до отделения) каждой нации, под которой подразумевается любое сообщество, считающее себя таковой. Этот критерий, безразличный к мифам о крови и почве и не признающий никакие чисто религиозные или исторические притязания на определенную территорию, имеет огромное преимущество, поскольку отсылает к универсальным принципам демократии и народного суверенитета и основывается только на конкретных демографических реалиях той или иной территории.

Указанный принцип не мешает социалистам отстаивать выбор, кажущийся им наиболее желательным или наиболее прогрессивным в определенный исторический момент: отделение (независимость), федерация или конфедерация. Суть в том, что нации и национальности должны свободно выбирать свое будущее. Это правило — включенное в марксистский лексикон Лениным — сегодня актуально как никогда. Но, повторяю, прилагать его к текущим национальным конфликтам — особенно в Восточной Европе и бывшем СССР — не всегда легко. Во многих случаях национальности настолько смешаны, что любая попытка провести границы в этой мозаике крайне опасна. Наиболее же опасна мечта о национальном единобразии внутри государства — мечта, живущая в национализме практически любого вида. Как отмечает Хобсбаум, приводя обособленную историческую параллель: «Логическим следствием попытки создать континент, аккуратно разделенный на самостоятельные государства, каждое из которых имело бы этнически и лингвистически однородное население, стало массовое изгнание и уничтожение меньшинств. Именно таким было, есть и будет кровавое доведение до абсурда национализма в его территориальной версии, пусть даже это стало вполне очевидным лишь в 1940-х годах» [14].

Вернемся к исходному парадоксу: в нашу странную националистическую эпоху самые насущные проблемы имеют более интернациональный характер, чем когда-либо. Поиск выхода из экономического кризиса в бывшем социалистическом блоке, долг третьего мира и надвигающаяся экологическая катастрофа — это только три первостепенных проблемы, и все они требуют решений на планетарном уровне. Методы решения проблем капитализмом хорошо известны, они превосходно осуществляются в мировом масштабе и везде имеют двоякий результат: богатые становятся богаче, а бедные — беднее.

Каковы альтернативы тоталитарной хватке «реального» капитализма? Старый псевдоинтернационализм сталинского Коминтерна, состоявший из сторонников разнообразных «социалистических отечеств», мертв. Эксплуатируемым и угнетенным необходим новый интернационалистический проект.

Интернационализм завтрашнего дня родится из соединения международных социалистической, демократической и антиимпериалистической традиций рабочего движения (до сих пор весьма распространенных среди радикальных профактивистов и левых социалистов), а также новой универсалистской культуры социальных движений — экологических, феминистских, антирасистских, движений солидарности с третьим миром и других. Возможно, сегодня эта тенденция еще не слишком заметна, но именно в ней — зерно иного будущего и единственная защита от варварства.

ГЛАВА 7. ИНТЕРНАЦИОНАЛИЗМ XXI ВЕКА

Что происходило с социалистическим интернационализмом в XX веке? В августе 1914 года интернационализм потерпел катастрофу — подавляющее большинство социалистического рабочего движения (как руководство, так и рядовые члены) оказалось поглощено колоссальной волной националистической (и шовинистической) истерии во имя «национальной обороны». Однако это стало не концом интернационализма, а началом нового интернационального подъема в социалистическом движении, сначала ограниченного маленькими кружками революционеров и пацифистов, а затем, после Октября 1917 года, выросшего в грандиозное массовое движение: Коммунистический интернационал. Существование Коминтерна, всемирного движения, искренне приверженного пролетарскому интернационализму (по крайней мере, в первые годы), — мощнейший исторический аргумент в пользу того, что интернациональная солидарность эксплуатируемых отнюдь не утопия, не абстрактный принцип, и что в определенных условиях она может захватывать массы рабочих и других эксплуатируемых слоев общества.

Вскоре Третий интернационал объединил большую часть организованного рабочего движения многих европейских и «колониальных» стран, опровергнув консервативный миф о том, что трудящиеся не способны выйти за рамки националистической идеологии. Это решительное доказательство того, что интернационализм — и революционное классовое сознание в целом — есть объективная возможность, основанная на реальности и ее противоречиях. Конечно, ее конкретные проявления зависят от исторических обстоятельств и от конкретной политической борьбы революционных сил — от их способности убедить людей в своей правоте и освободить их от шор национализма.

Иными словами, марксистский интернационализм — как и надежда на революцию — основан не только на объективном анализе мировой экономики и мировой политики, он также имеет свою историческую ставку: это ставка на сознательность трудящихся, на способность народных масс рано или поздно осознать свои объективные исторические интересы.

Однако невероятная интернационалистическая убежденность и практика, не имеющие прецедентов в истории социализма, а также капитал интернационалистической энергии и принципиальности, накопленный Коммунистическим интернационалом, были растрочены сталинизмом. Эта энергия оказалась направлена на службу бюрократическому национализму, его государственной политике и властной стратегии. Интернационализм стал служанкой советской дипломатии, а мировое коммунистическое движение — одним из инструментов для построения «социализма в отдельно взятой стране». Самый очевидный пример — политика Коминтерна в отношении германского нацизма, начиная с 1928-го до роспуска в 1943 году: причудливые зигзаги и крутые повороты этой политики в последнюю очередь отвечали жизненным нуждам европейских рабочих и народов и определялись в первую очередь маневрами советской дипломатии и потребностью в военных альянсах.

Тем не менее в 1930-х годах Европа увидела самый впечатляющий пример практики интернационализма: интернациональные бригады и колоссальную общую солидарность с антифашистской борьбой во время гражданской войны в Испании. Десятки тысяч добровольцев — коммунисты, социалисты, анархисты, троцкисты, независимые марксисты, радикальные либералы и антифашисты самых разных течений, представители десятков народов — съехались со всего мира, чтобы помочь народу Испании в отчаянной борьбе с фашизмом. Из-за того, что Франко помогали Гитлер и Муссолини (а западные демократии предпочли так называемую политику невмешательства), эта война была проиграна, но борьба интернациональных бригад, в которой полегло множество добровольцев, стала одним из высших проявлений интернационализма XX века.

После (как и во время) Второй мировой войны национализм снова стал доминирующей идеологией — в том числе в «странах реального социализма», вовлеченных в националистическую конфронтацию (СССР против Китая) или войну (Китай против Вьетнама).

После распада Коминтерна под «интернационализмом» в мировом коммунистическом движении понималась лишь слепая преданность Советскому Союзу и его руководству. Единственное исключение составляли маленькие и не очень влиятельные революционные течения,

в том числе Четвертый интернационал, сохранившие верность исходным интернационалистским задачам Коминтерна. Упадок коммунистического интернационализма оставил идеологическую пустоту, которая очень быстро заполнилась национализмом.

Итак, старый интернационализм, отождествляемый с Советским Союзом, мертв. Между тем в наше время возникают новые формы интернационалистской солидарности. 60-е годы породили большую и неожиданную волну интернационализма среди молодого поколения, выразившуюся в антивоенных движениях, в солидарности с революциями в странах третьего мира и в ненависти к националистическому шовинизму.

Май 1968 года увидел сотни юных французов, поющих «*Nous sommes tous des juifs allemands*» («Мы все — немецкие евреи»): лозунг, выразивший спонтанное и массовое чувство интернационализма.

Сегодня новая интернационалистическая культура находится в процессе формирования. В третьем мире она является результатом сближения марксистской левой — отрицающей пагубную сталинистскую традицию слепой приверженности «социалистическому отечеству» (СССР, Китай, Албания и т.п.) — и христианских социалистов, связанных с теологией освобождения. Католический — в интернационалистическом смысле — характер религии сблизился в некоторых моментах, благодаря теологии освобождения, с марксистским интернационализмом. Сандинизм в Никарагуа и бразильская Партия трудящихся являются примерами такого союза, хотя их интернационалистский кругозор не беспределен.

В этой новой формирующейся интернационалистической культуре нового поколения разные компоненты сочетаются и смешиваются друг с другом в различных пропорциях. Среди таких компонентов можно назвать следующие:

1. Остатки старой социалистической традиции пролетарского и революционного интернационализма, сохранившейся среди левых социалистов, критических коммунистов, анархистов, в таких организациях, как Четвертый интернационал — а также в культуре новых левых 1960-х годов.
2. Экология — борьба за защиту Природы и «Матери-Земли» от разрушительного «прогресса», промышленных отходов и экологических бедствий не признает границ и отвечает интересам всего человечества.
3. Антирасизм, спонтанное движение солидарности с иммигрантами — африканскими, арабскими, азиатскими или турецкими — отрицающее националистическую логику исключения.

Один из наиболее важных вопросов, поднятых этим движением (особенно во Франции) — отделение национальности от гражданства: все население страны должно считаться гражданами (с правом голоса) независимо от национальности.

4. Феминизм, ниспровергающий традиционную патриархальную культуру агрессивного национализма, «мужских» милитаристских ценностей и «героического» патриотического насилия. Если существует определенная связь между патриархатом и реакционным культом имперского «отечества», то существует точно такая же связь между феминистской политикой и экологической защитой «Матери-Земли» [1].
5. Сочувствие и солидарность с борьбой жителей третьего мира за освобождение от империалистического гнета, местных диктатур, голода и нищеты. Это движение, в 1960-е годы включавшее не столько политические, сколько антиимпериалистические организации, а сегодня зачастую состоящее из радикальных христианских активистов, — по самой своей сути привержено интернациональной солидарности.
6. Другие социальные движения, такие, как борцы за права человека, движение геев и лесбиянок, сети христианских социалистов, значительно укрепивших интернационалистические связи в последние годы.

Объективный фактор, содействующий подъему интернационалистических тенденций в Европе, — становление Евросоюза, постепенно сглаживающее многие старые националистические ссоры (например, между Францией и Германией) и создающее благоприятные условия для общеевропейской социальной борьбы (например, борьбы профсоюзов за 35-часовую рабочую неделю). Между тем в краткосрочной перспективе «объективное экономическое принуждение» международного сообщества и, в первую очередь, Евросоюза используется социал-демократическими правительствами Европы для оправдания своего отказа от каких-либо радикальных социальных мер на национальном уровне. Известный историк социализма Дэниел Сингер, критикуя эту позицию самооправдания, очень точно указал на диалектику национальных и интернациональных изменений:

Тот факт, что национальное государство среднего размера в том виде, как оно существует сегодня, исторически обречено, не означает, что оно не является начальной точкой отсчета для социальной трансформации. Оно, безусловно, предоставляет единственно возможную исходную базу. Отрицать это — значит отвергать саму идею радикального изменения. Вопрос должен быть поставлен сначала в национальных границах, даже если уже есть интернациональные или, по крайней мере, общеевропейские

ответы... И только если Западная Европа окажется способна создать иной тип цивилизации, мы будем спасены от американского будущего. Растущая экономическая взаимозависимость, неизбежность быстрого выхода любого национального движения на европейскую арену — все это отнюдь не обрекает отдельные страны на перманентную зависимость от власти капитала. Это обрекает социалистическое движение, как бы глубоки ни были его национальные корни, на интернационализм». [2]

Пока трудно предсказать, смогут ли эти разнообразные составляющие гармонично соединиться и возникнет ли новая интернационалистическая культура как объединенное массовое движение в Европе (и в мире). Но, возможно, именно в этих скромных начинаниях и зарождается социалистический интернационализм XXI века.

ПРИМЕЧАНИЯ

Предисловие

1. Haupt G. Presentation, Bauer O. Remarques sur la question des nationalites (1908). *Plurie/Debat* no. 5, 1976. Pp. 41–2.
2. Bauer O. Die Nationalitiitenfrage und die Sozialdemokratie. Vienna: Wiener Volksbuchhandlung, 1924. P. xxviii. Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Т. 30. С. 21
3. Traverso E. The Marxists and the Jewish Question: The History of a Debate, 1843–1943. New Jersey: Humanities Press, 1994. Ch. 5.

Глава 1

1. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения, т. 4. С. 444.
2. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения, т. 2. С. 590. См. также: Сочинения, т. 4, с. 416. «Братство, которое свобода торговли установила бы между различными нациями мира, едва ли отличалось бы более братскими свойствами. Присвоить имя всеобщего братства эксплуатации в ее космополитическом виде — такая идея могла зародиться только у буржуазии».
3. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения, т. 3. С. 61.
4. Это интерпретация Романа Роздольского из его эссе *Worker and fatherland: a note on a passage in The Communist Manifesto*. *Science and Society*, vol. 29, no. 3. P. 337.
5. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения, т. 42. С. 244.

6. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения, т. 2. С. 590.
7. Там же, с. 591.
8. Там же, с. 587.
9. Энгельс Ф. Сочинения, т. 4. С. 386.
10. Там же, с. 387.
11. Marx and Engels. Collected Works vol. 6. Pp. 615–16.
12. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения, т. 33. С. 537.
13. О процессе Сланского см. London A. On Trial. London: Macdonald, 1970. Pp. 265–316.
14. Cogniot G. Realite de la Nation: L 'attrape-nigaud du cosmopolitisme. Paris: Ed. Sociales, 1950.
15. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения, т. 3. С. 473.
16. Cogniot G. Realite de la Nation. P. 16. Тезис о связи между космополитизмом и национализмом был в 1950 году одним из лейтмотивов кампании против Тито и Райка. Например, Конье пишет: «Знамя космополитизма драпирует буржуазный национализм Тито, его посягательства на безопасность народов, независимость государств и мирное существование, как подтвердил будапештский процесс» (с. 99). Этот тезис был снова выдвинут во время пражских процессов 1952 года, когда Сланский и его товарищи были обвинены в том, что «их космополитизм идет рука об руку с еврейским национализмом» (цит. в London A. On Trial. P. 198).
17. Cogniot G. Realite de la Nation. P. 16.
18. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения, т. 3. С. 36. См. также с. 35: «Пролетариат может существовать, следовательно, только во всемирно-историческом смысле, подобно тому как коммунизм — его деяние — вообще возможен лишь как «всемирно-историческое» существование».
19. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения, т. 42. С. 273. Космополитический взгляд Маркса и Энгельса все-таки весьма европоцентричен: точнее, «центром» для них является не столько Европа, сколько мировые индустриальные державы: Англия, Франция, Германия, США. С другой стороны, очевидно, что для Маркса и Энгельса одновременно существует персональное космополитическое измерение, заметное в их универсальном культурном кругозоре, интернационалистических представлениях, передвижениях и т.п.

20. Bauer O. Die Nationalitiitenfrage und die Sozialdemokratie. Vienna: Wiener Volksbuchhandlung, 1924. P. 311. Бауэр также подчеркивает, используя понятия, близкие молодому Энгельсу, по существу интернационалистское призвание пролетариата: «Нет класса настолько внутренне свободного от национальных представлений, как пролетариат в период подъема, класс, свободный от каких-либо традиций разрушительной и сокрушительной силой капитализма, отделенный от национальных культурных ценностей, в борьбе против всех сил исторического прошлого...».
21. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения, т. 42. С. 359–360. Шарль Андлер в комментариях к «Манифесту» писал, что концепция будущего наций, выдвинутая Марксом и Энгельсом, была вдохновлена «Союзом справедливых», Вильгельмом Вейтлингом и английскими чартистами. См. Андлер Ш. Историческое введение и комментарий к «Манифесту коммунистической партии» К. Маркса и Ф. Энгельса. М. 1906.
22. Bloom S.F. The World of Nations; A Study of the National Implications in the Works of Karl Marx. New York: Columbia University Press, 1941. P. 26.
23. Ollman B. Marx's vision of communism: a reconstruction. In Critique, no. 8. P. 22.
24. Ibid. P. 29. В другом пассаже своей статьи Оллман добавляет: «Существование такого языка не означает, что менее распространенные языки и связанные с ними выдающиеся культуры исчезнут. Латынь и латинская культура обогащали жизнь миллионов на протяжении многих лет после заката Римской империи».
25. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения, т. 3. С. 427–428.
26. Там же, с. 393.
27. Ollman B. Marx's vision of communism: a reconstruction. P. 34–35.
28. Rosdolsky R. Worker and fatherland. P. 335.
29. Ibid., p. 337.
30. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения, т. 19. С. 22
31. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения, т. 31. С. 193. В более раннем письме Энгельсу от 7 июня 1866 года Маркс менее категоричен по поводу прудонистов: он критикует их франкоцентризм, называя его «гротескным», но считает, что «как полемика с шовинизмом, эта тактика полезна и объяснима» (т. 31, с. 187).

Глава 2

1. Nimni E. Marx, Engels and the National Question. *Science and Society*, vol. 53, no. 3. Pp.297–326.
2. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения, т. 9. С. 136.
3. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения, т. 6. С. 292.
4. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения, т. 42. С. 383.
5. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения, т. 23. С. 9.
6. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения, т. 9. С. 230.
7. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения, т. 14. С. 104.
8. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения, т. 15. С. 375.
9. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения, т. 23. С. 9.
10. Gramsci A. The revolution against «Capital» (1917). In *Selections from the Political Writings*. London: Lawrence and Wishart, 1977. Pp. 34–37.
11. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения, т. 19. С. 120, 251.
12. См. главу 3 этой книги, а также Traverso E. *Socialismo e nazione: Rassegna di una contro-versia marxista*. Il Pome, vol. 40, no. 1. P. 1.
13. См. Rodinson M. *Le marxisme et la nation* в *L’Homme et la societa* (January-March 1968). P. 133 and Haupt G. and Weill C. *L’eredita di Marx ed Engels e la questione nazionale*. *Studi storici*, vol. 15, no. 2. P. 2.
14. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения, т. 4. С. 428
15. См. главу 1 этой книги, а также Rosdolsky R. *Worker and fatherland: a note on a passage in The Communist Manifesto*. *Science and Society*, vol. 29, no. 3. Pp. 335–337.
16. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения, т. 16. С. 523
17. Trotsky L. *The Negro question in America*. In: *On Black Nationalism and Self-Determination*. New York: Pathfinder, 1978. P. 28.
18. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения, т. 4. С. 530.
19. Nimni E. Marx, Engels and the national question. Pp. 308, 310.
20. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения, т. 9. С. 98.
21. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения, т. 12. С. 567.
22. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения, т. 6. С. 294.
23. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения, т. 6. С. 183.

24. См. Löwy M. Uneven and Combined Development: The Theory of Permanent Revolution. London: Verso, 1981. P. 27.
25. Rosdolsky R. Zur nationalen Frage, Friedrich Engels und das Problem der 'geschichtslosen' Volker. Berlin: Olle and Wolter, 1979. P. 125.
26. См. Haupt G. Parti-guide: le rayonnement de la social-democratie allemande dans le Sud-Est europeen. In: L'historien et le mouvement social. Paris: Maspero, 1980. P. 185.
27. Bauer O. Die Nationalitätenfrage und die Sozialdemokratie. Vienna: Wiener Volksbuchhandlung, 1924. Ch. 3.
28. Rosdolsky R. Zur nationalen Frage. Pp. 116, 121.
29. См. в первую очередь Weill C. L'Internationale et Vautre: Les relations inter-ethniques dans la lie Internationale. Paris: Arcantere, 1987.
30. См. Nin A. Los movimientos de emancipacion nacional. Barcelona: Editorial Fontamara, 1977, especially pp. 70–72, and J.M. and J.L. Arenillas. Sobre la cuestion nacional en Euskadi. Barcelona: Editorial Fontamara, 1978.
31. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения, т. 32. С. 558–559.

Глава 3

1. Luxembourg R. The Polish question at the international congress in London. In: The National Question. New York: Campaigner Publications, 1996. Pp. 57–58.
2. Люксембург Р. Промышленное развитие Польши. СПб., 1899. (Русский перевод, сильно сокращенный цензурой.)
3. Ленин В.И. Развитие капитализма в России. ПСС, т. 3.
4. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения, т. 6. С. 183.
5. Luxembourg R. The National question and autonomy. In: The National Question. Pp. 115, 118.
6. Люксембург Р. Кризис социал–демократии.
<http://www.socialism.ru/bookcase/classics/luxemburg/social-democracy-crisis>
7. Luxembourg R. Theses on the tasks of international social democracy. In: Rosa Luxemburg Speaks. P. 329.
8. Luxembourg R. Social-patriotische Programakrobatik. In: Internazionalismus und Klassenkampf. Neuwied, 1971.

9. См. критические заметки о брошюре Розы Люксембург «Русская революция» в книге: Лукач Г. История и классовое сознание, М.: Логос-Альтера, 2003.
10. См. Ленин В.И. О праве наций на самоопределение. ПСС, т. 25. С. 255–320. «Вполне понятно, что борьба с националистически ослепленной мелкой буржуазией Польши заставила с.-д. поляков с особенным (иногда, может быть, чуточку чрезмерным) усердием “перегибать палку”». С. 294
11. Luxembourg R. Foreword to the anthology: The Polish Question and the Socialist Movement. In: The National Question. Pp. 72, 96.
12. Trotsky L. The Bolsheviki and World Peace. New York, 1918. Pp. 21, 230–231.
13. Nashe Slovo, no. 130 and 135 (3 and 9 July 1915), reprinted in vol. 9 (1927) of Trotsky's Collected Works in Russian and in French as Nation et Economic in Ptuirel-Debat no. 4 (April 1975).
14. Сталин И. Сочинения, т. 2. С. 290–367.
15. Ленин В.И. ПСС, т. 48. С. 162.
16. Троцкий Л. Сталин. М.: ТЕРРА, 1996. С. 215.
17. Ленин В.И. ПСС, т. 25. С. 260.
18. Сталин И. Сочинения, т. 2. С. 327.
19. Ленин В.И. ПСС, т. 24. С. 137, 149, 223–229.
20. Ленинский анализ этого вопроса в статье о восстании 1916 года в Ирландии являет собой образец революционного реализма, см. ПСС, т. 30. С. 52–57.
21. Ленин В.И. ПСС, т. 27. С. 260.
22. Ленин В.И. ПСС, т. 30. С. 42
23. По замечанию А.С. Наира и К. Скалабрино в статье La question nationale dans la theorie marxiste revolutionnaire. Partisans, no. 59–60, May-August 1971.
24. См. Троцкий об афроамериканцах в США: «Абстрактный критерий не является здесь решающим: таковыми являются скорее историческое сознание, чувства и эмоции». Trotsky L. The Negro question in America. In: On Black Nationalism and Self-Determination. New York: Pathfinder, 1978. P. 28.
25. Цитируется по: Arthur Schlesinger Jr. Bitter Heritage: Vietnam and American Democracy, 1941–1966. Boston: Houghton Mifflin, 1966. P. 108.
26. Treitschke H. von. Politics. London, 1916. Vol. 2, p. 614.

Глава 4

1. Переведено Питером Дрюкером по *La nation comme communauté de destin: actualité d'Otto Bauer. Le Messenger Européen*, no. 7.
2. По поводу исторического контекста см. Weill C. *L'Internationale et l'autre: Les relations inter-ethniques dans la IIe Internationale*. Paris: Arcantere, 1987.
3. Weill C. Introduction. In: Bauer O. *La question des nationalités et la social-démocratie*. Paris: EDI 1987. P. 9.
4. См. Traverso E. *The Marxists and the Jewish Question: The History of a Debate, 1843–1943*. New Jersey: Humanities Press, 1994.
5. Bauer O. *Die Nationalitätenfrage und die Sozialdemokratie*. Vienna: Wiener Volksbuchhandlung, 1924. P. 122.
6. *Ibid*, pp. 123, 129–30.
7. *Ibid*, pp. 121–122. Эти имена обозначают не конкретных людей, это лишь самые распространенные еврейские фамилии в Вене начала XX века.
8. *Ibid*, p. 135.
9. Haupt G. *Les marxistes face à la question nationale: Histoire du problème*. In: Haupt, Lowy and Weill. *Les marxistes et la question nationale, 1848–1914*. Paris: Maspéro, 1974. P. 48. Мой покойный друг Жорж Опп понимал в то время важность Бауэра гораздо лучше, чем я.
10. Bauer O. *Nationalitätenfrage*. P. 127. См. в связи с этим комментарий Оппа: «Для него [Бауэра] общность основывается на опыте, который переживают совместно индивидуумы, составляющие ее, тогда как общество зависит от «внешних норм». Haupt G. *Presentation*. Bauer O. *Remarque sur la question des nationalités*. In: *Pluriel*, no. 5, 1976. P. 44.
11. Bauer O. *Nationalitätenfrage*. P. 127–8.
12. *Ibid*, p. 133.
13. См. Андерсон Б. *Воображаемые сообщества*. М.: Канон-Пресс, 2001, а также Хобсбаум Э. *Нации и национализм после 1780 г.* СПб.: Алетейя, 1998.
14. Bauer O. *Nationalitätenfrage*, pp. 145–148, 118.
15. *Ibid*, p. xxviii.

Глава 5

1. Kohn H. *Nationalism*. Princeton: Von Nostrand, 1955. P. 9. См. также отрывки из работы Ханса Кона «Идея национализма» в сборнике: Мифы и заблуждения в изучении империи и национализма. М.: Новое издательство, 2010.
2. Ibid., p. 15.
3. Nairn T. *The Modern Janus*. *New Left Review*, no. 94. P. 15.
4. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения, т. 42. С. 244.
5. Trotsky L. *The Permanent Revolution and Results and Prospects*. New York: Pathfinder Press, 1969. P. 150.
6. Каутский К. Национальность нашего времени. СПб, 1905.
7. Троцкий Л. *Нация и хозяйство*. <http://www.magister.msk.ru/library/trotsky/trotl890.htm>
8. Медем В. Социал-демократия и национальный вопрос. В сборнике: Быть евреем в России. Материалы по истории русского еврейства. 1900–1917 годы. Иерусалим, 2002.
9. Traverso E. *Socialismo e nazione*. P. 61.

Глава 6

1. Adorno T. *Modeles critiques*. Paris: Payot, 1964. P. 106.
2. Arendt H. *The Burden of Our Time*. London: Seeker and Warburg, 1951. P. 267.
3. Luxemburg R. *Fragment uber Krieg, nationale Frage und Revolution*. In: *Die Russische Revolution*. Frankfurt: Europäische Verlagsanstalt, 1963. P. 82.
4. См. статью Катрин Самари: Sarmy C. *The Fragmentation of Yugoslavia*. Amsterdam: IIRE Notebook for Study and Research, no. 19/20, 1992.
5. Процитировано по: Hobsbawm E. *The perils of the new nationalism*. *The Nation*, November 1991. P. 556.
6. Trotsky L. *The Negro question in America*, p. 28.
7. Хобсбаум Э. *Нации и национализм после 1780 г.*
8. Gellner E. *Nationalism and politics in Eastern Europe*. *New Left Review*, no. 189, October 1991. P. 131.
9. Интересный анализ нового противостояния между национальными меньшинствами и сложившимися нациями-государствами,

а также антикапиталистического потенциала, заключенного в этом противостоянии, можно найти в недавней работе баскского марксиста: Bereciartu G. J. *Contra el Estado-nacion: En torno al hecho y la cuestion nacional*. Madrid: Siglo XXI, 1986.

10. Bild am Sonntag, 26 January 1992.
11. Adorno T. *Modeles critiques*, p. 106.
12. Я часто обращаюсь к Латинской Америке, поскольку лучше всего осведомлен о реалиях именно этой части третьего мира.
13. Declaration de Sao Paulo. *Inprecor para America Latina*, no. 6, July 1990. Pp. 5–6.
14. Хобсбаум Э. *Нации и национализм после 1780 г.*

Глава 7

1. «Мать-Земля» — название интернационалистского журнала, основанного в США перед Первой мировой войной известным анархистским лидером Эммой Голдман.
2. Singer D. *Radical change and Europe's nation state*. Paper presented at the 1987 Cavtat Conference (Yugoslavia) on Socialism, Nations, International Cooperation. P. 10.

БИБЛИОГРАФИЯ

Adorno, Theodor *Modeles critiques* (Paris: Payot, 1964).

Andler, Charles *Introduction historique et commentaire à Marx, Engels La Manifeste Communiste* (Paris: Societe Nouvelle de Librairie et Edition, 1901).

Arendt, Hannah *The Burden of Our Time* (London: Seeker and Warburg, 1951).

Arenillas, J. M. and J. L. *Sobre la cuestiön nacional en Euskadi* (Barcelona: Editorial Fontamara, 1978).

Bauer, Otto *Die Nationalitätenfrage und die Sozialdemokratie* (Vienna: Wiener Volksbuchhandlung, 1924).

Bereciartu, Gurutz Jauregui *Contra el Estado-naciön: En torno al hecho y la cuestiön nacional* (Madrid: Siglo XXI, 1986).

Bloom, Solomon F. *The World of Nations: A Study of the National Implications in the Works of Karl Marx* (New York: Columbia University Press, 1941).

Cogniot, Georges *Realite de la Nation: Uattrape-nigaud du cosmopolitisme* (Paris: Ed. Sociales, 1950).

Davis, Horace B. *Nationalism and Socialism: Marxism and Labor Theories of Nationalism to 1917* (New York: Monthly Review Press, 1967).

Gallissot, Rene *Marxisme et Algerie* (Paris: Union Generale d'Edition, 1976).

Gellner, Ernst 'Nationalism and politics in Eastern Europe', *New Left Review* no. 189 (October 1991).

Haupt, Georges 'Les marxistes face à la question nationale: l'histoire du probleme', in Haupt, Löwy and Weill, *Les marxistes et la question nationale, 1848–1914* (Paris: Maspero, 1974).

'Parti-guide: le rayonnement de la social-democratie alle-mande dans le Sud-Est europeen', in *L'historien et le mouvement social* (Paris: Maspero, 1980).
'Presentation', Otto Bauer, 'Remarques sur la question des nationales' (1908), *Pluriel/Debat* no. 5, 1976.

Haupt, Georges and Claudie Weill 'L'eredità di Marx ed Engels e la questione nazionale', *Studistorici* vol. 15 no. 2 (1974).

Hobsbawm, Eric 'The perils of the new nationalism', *The Nation* (November 1991).

Kohn, Hans *Nationalism* (Princeton: Von Nostrand, 1955).

Löwy, Michael *Uneven and Combined Development: The Theory of Permanent Revolution* (London: Verso, 1981).

Luxemburg, Rosa 'Foreword to the anthology *The Polish Question and the Socialist Movement*' (1905), in *The National Question*, ed. Horace B. Davis (New York: Monthly Review Press, 1976).

'Fragment über Krieg, nationale Frage und Revolution', in *Die Russische Revolution* (Frankfurt: Europäische Verlagsanstalt, 1963).

'The Junius pamphlet: the crisis in the German social democracy' (1915), in *Rosa Luxemburg Speaks*, ed. MaryAlice Waters (New York: Pathfinder, 1970).

'The national question and autonomy' (1908-09), in *The National Question*.

'The Polish question at the international congress in London' (1896), in *The National Question*.

'Sozial-patriotische Programakrobatik', in *Internazionalismus und Klassenkampf* (Neuwied: 1971).

Nai'r, A. S. and C. Scalabrino 'La question nationale dans la theorie marxiste revolutionnaire', *Partisans* no. 59-60, May-Aug. 1971.

Nairn, Tom 'The Modern Janus', *New Left Review* no. 94 (November-December 1975).

Nimni, Ephraim 'Marx, Engels and the National Question', *Science and Society* vol. 53 no. 3 (1989).

Nin, Andreu *Los movimientos de emancipación nacional* (Barcelona: Editorial Fontamara, 1977).

Ollman, Bertell 'Marx's vision of communism: a reconstruction', in *Critique* no. 8 (summer 1977).

Rodinson, Maxime 'Le marxisme et la nation', *L'Homme et la societe* (January-March 1968).

- Rosdolsky, Roman 'Worker and fatherland: a note on a passage in The Communist Manifesto', *Science and Society* (London) vol. 29 no. 3 (summer 1965).
Zur nationalen Frage, Friedrich Engels und das Problem der 'geschichtslosen' Völker (Berlin: Olle and Wolter, 1979).
- Samary, Catherine *The Fragmentation of Yugoslavia* (Amsterdam: IIRE Notebook for Study and Research no. 19/20, 1992).
- Shanin, Teodor (ed.) *Late Marx and the Russian Road: Marx and the Peripheries of Capitalism* (London: Routledge and Kegan Paul, 1984).
- Singer, Daniel 'Radical change and Europe's nation state', paper presented at the 1987 Cavtat Conference (Yugoslavia) on Socialism, Nations, International Cooperation.
- Traverso, Enzo *The Marxists and the Jewish Question: The History of a Debate, 1843–1943*, trans. Bernard Gibbons (New Jersey: Humanities Press, 1994).
'Socialismo e nazione: Rassegna di una controversia marxista', *Il Ponte* vol. 40 no. 1 (1984).
- Trotsky Leon *The Bolsheviki and World Peace* (New York: 1918).
'Introduction to the German edition' (1930), *The Permanent Revolution and Results and Prospects* (New York: Pathfinder Press, 1969).
'The Negro question in America' (1933), in *On Black Nationalism and Self-Determination* (New York: Pathfinder, 1978).
- Weill, Claudie *L'Internationale et Vautre: Les relations interethniques dans la He Internationale* (Paris: Arcantere, 1987).
- 'Introduction', Otto Bauer, *La question des nationalites et la social-democratie* (Paris: EDI, 1987).
- Yaari, Arie *Le defi national: Les theories marxistes sur la question nationale à Vepreuve de Vhistoire* (Paris: Anthropos, 1978).
- Андерсон Б. *Воображаемые сообщества*. М., 2001.
- Каутский К. *Национальность нашего времени*, СПб., 1905.
- Ленин В.И. *Критические заметки по национальному вопросу*, ПСС., т. 24.
Развитие капитализма в России, ПСС. т. 3.
Итоги дискуссии о самоопределении, ПСС., т. 30.
О национальной программе РСДРП, ПСС., т. 24.
О праве наций на самоопределение, ПСС., т. 25.

Социалистическая революция и право наций
на самоопределение, ПСС., т. 27.

Лукач Г. История и классовое сознание. М. 2003.

Люксембург Р. Кризис социал-демократии.

www.socialism.ru/bookcase/classics/luxemburg/social-democracy-crisis

Промышленное развитие Польши. СПб, 1899.

Троцкий Л. Нация и хозяйство. www.magister.msk.ru/library/trotsky/trotl890.htm

Сталин И. В 2 х тт. М., 1990.

Маркс К. Британское владычество в Индии. Соч., т. 9.

Будущие результаты британского владычества в Индии.
Соч., т. 9.

Капитал. Т. 1. Соч., т. 23.

Критика Готской программы. Соч. т. 19.

О книге Фридриха Листа «Национальная система
политической экономики». Соч., т. 42.

История торговли опиумом. Соч., т. 12.

Революция в Китае и Европе. Соч., т. 9.

Речь о свободе торговли. Соч., т. 4.

Немецкая идеология. Соч., т. 3.

Сталин И.В. Марксизм и национальный вопрос. Соч., Т. 2.

Хобсбаум Э. Нации и национализм после 1780 г. СПб., 1998.

Энгельс Ф. Алжир. Соч., т. 14

История Ирландии. Соч., т. 16.

Демократический панславизм. Соч., т. 6.

Проект Коммунистического символа веры. Соч., т. 42.

Сенсационные разоблачения. Соч., т. 42.

Празднество наций в Лондоне. Соч., т. 2.

Речь Луи Блана на банкете в Дижоне. Соч., т. 4.

Борьба в Венгрии. Соч., т. 6.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие к русскому изданию.....	3
Предисловие.....	7
Глава 1. Маркс и Энгельс — космополиты.....	10
Глава 2. Маркс и Энгельс — евроцентристы?.....	19
Глава 3. Споры марксистов о самоопределении.....	31
Глава 4. Нация как общность судьбы: Отто Баэур сегодня.....	45
Глава 5. Национализм и интернационализм.....	51
Глава 6. Почему национализм?.....	63
Глава 7. Интернационализм XXI века.....	80
Примечания.....	85
Библиография.....	94

